

Международный Аспект

ВЫПУСК №3(17)
ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 2024

International

VOL 5 NO. 3(17)
JULY-SEPTEMBER 2024

Aspect

АТР: ГДЕ БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Азиатско-Тихоокеанский регион: торговые
соглашения и перспективы региональной
торговли

• 4

Помельникова Алиса Дмитриевна

Ключевые аспекты транспортировки СПГ
из российской Арктики в страны АТР

• 31

Тишина Анна Павловна

Сотрудничество России со странами АТР
в сфере ядерной медицины как инструмент
«мягкой силы» (на примере проектов
ГК «Росатом»)

• 21

Гришкова Мария Вячеславовна

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL
Published since 2020 quarterly
Vol. 5, No. 3(17), 2024

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. ежеквартально
Том 5, Выпуск 3(17), 2024

Индексируется в РИНЦ

Издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 119454 Москва, проспект Вернадского, 76

Publisher: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,

ISSN 2949-6381 (Print) ISSN 2949-6365 (Online)

Содержание

Международные экономические отношения

Азиатско-Тихоокеанский регион: торговые соглашения и перспективы региональной торговли

Помельникова Алиса Дмитриевна

Сотрудничество России со странами АТР в сфере ядерной медицины как инструмент «мягкой силы» (на примере проектов ГК «Росатом»)

Гришкова Мария Вячеславовна

Ключевые аспекты транспортировки СПГ из российской Арктики в страны АТР

Тишина Анна Павловна

Незаконный оборот наркотических средств в АТР и сотрудничество государств в разрешении этой проблемы

Пикуль Дарья Николаевна

Научная дискуссия

Обзор панельной дискуссии

«300 лет противостояния: как строить отношения с англосаксами»

Царева Мария Алексеевна, Мокроусова Дарья Владимировна, Игнатьева Виктория Юрьевна, Посылкина Елизавета Александровна

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
София Беломытцева

Заместитель главного редактора
Равиль Шигапов

Редакторы
Елена Бурдина
Варвара Кеня
Валентин Терентьев
Влада Ровнова
Арсений Наумчик
Георгий Федоров
Анна Александрова
Офелия Закарян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, к.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, к.ист.н.
Игорь Александрович
Истомин, к.полит.н.

• 4

• 21

• 31

• 50

• 67

Для связи с редакцией: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
+7 (495) 229-41-78

Contents

World economy

Asia-Pacific region: trade agreements
and prospects for regional trade

Alisa D. Pomelnikova

Cooperation of Russia with APAC countries
in the field of nuclear medicine as a tool
of «soft power» (on example of projects
of state corporation «Rosatom»)

Maria V. Grishkova

The key aspects of LNG transportation from
the Russian Arctic to the Asia-Pacific region

Anna P. Tishina

The illicit drug trade in the Asia-Pacific region
and cooperation between states on this issue

Darya N. Pikul'

Discussion

«300 Years of Confrontation: How to Build
Relations with the Anglo-Saxons»

*Mariya A. Tsareva, Darya V. Mokrousova,
Viktoriya Yu. Ignatyeva, Elizaveta A. Posylkina*

EDITORS

Chief Editor
Sofiya Belomyttseva

Deputy Chief Editor
Ravil' Shigapov

Editors
Elena Burdina
Varvara Kenya
Valentin Terentyev
Vlada Rovnova
Arsenii Naumchik
Georgii Fedorov
Anna Aleksandrova
Ofeliya Zakaryan

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial
Board
Andrey Baykov, Ph.D.
in Political Science

Irina Bolgova, Ph.D.
in History
Igor Istomin, Ph.D.
in Political Science

Contact the Editorial Board via: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
+7 (495) 229-41-78

Азиатско-Тихоокеанский регион: торговые соглашения и перспективы региональной торговли

Помельникова Алиса Дмитриевна

Студент 3 курса бакалавриата факультета международных финансов
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России
119285, Россия, Москва, Воробьевское шоссе, 6А

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу торговых соглашений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и оценке перспектив развития региональной торговли. В условиях возрастающей роли АТР в мировой экономике, изучение механизмов торговой интеграции и выявление наиболее эффективных моделей экономического сотрудничества приобретает особую актуальность. Научная новизна работы определяется системным подходом к изучению торговых соглашений в АТР, позволяющим выявить наиболее перспективные модели региональной интеграции. Целью исследования является комплексное изучение структуры, целей и результатов деятельности ведущих региональных торговых блоков, включая Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (АПТА), Южноазиатскую зону свободной торговли (САФТА), зону свободной торговли АСЕАН (АФТА) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). В работе косвенно были использованы теория таможенных союзов Дж. Вайнера с фокусом на эффекте создания торговли и теория многоуровневого управления в контексте дополнения глобальных торговых

соглашений региональными, которые обеспечивают более глубокий, но локальный характер торговли. В рамках исследования проводится сравнительный анализ торговых режимов, что позволяет выявить как общие тенденции, так и существенные различия в подходах к либерализации торговли и стимулированию экономического сотрудничества. Особое внимание уделяется выявлению факторов, препятствующих и способствующих развитию внутрирегиональной торговли. Кроме того, внимание уделяется анализу влияния тарифных и нетарифных барьеров на развитие внутрирегиональной торговли. Результаты исследования свидетельствуют о разной степени эффективности торговых соглашений в АТР. Ключевые выводы работы заключаются в выявлении факторов, определяющих эффективность торговых соглашений в АТР, и обосновании необходимости формирования торговой политики, учитывающей экономические особенности стран-участниц. Результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий развития региональной торговли, совершенствовании механизмов торговой политики и определении приоритетных направлений международного сотрудничества в АТР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

торговое соглашение, АТР, АПТА, САФТА, АФТА, ВРЭП, таможенные пошлины.

Asia-Pacific region: trade agreements and prospects for regional trade

Alisa D. Pomelnikova

Russian Foreign Trade Academy

Faculty of International Finance, 3rd year

119285, Russia, Moscow, Vorobiovskoe Shosse, 6A

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of trade agreements in the Asia-Pacific region (APR) and assessment of the prospects for the development of regional trade. In the context of the growing role of the Asia-Pacific region in the global economy, the study of trade integration mechanisms and identification of the most effective models of economic cooperation is of particular relevance. The scientific novelty of the work is determined by the systematic approach to the study of trade agreements in the Asia-Pacific region, which allows identifying the most promising models of regional integration. The purpose of the research is a comprehensive study of the structure, goals and performance of the leading regional trading blocs, including the Asia-Pacific Trade Agreement (APTA), the South Asian Free Trade Area (SAFTA), the ASEAN Free Trade Area (AFTA) and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). The work indirectly used the theory of customs unions by J. Weiner with a focus on the effect of trade creation and the theory of multilevel governance in the context of supplementing global trade agreements

with regional ones, which cater for deeper, but local trade relations. The study includes a comparative analysis of trade regimes, which allows identifying both common trends and significant differences in approaches to trade liberalization and stimulation of economic cooperation. Particular attention is paid to identifying factors that hinder and promote the development of intraregional trade. In addition, the research focuses on the analysis of the impact of tariff and non-tariff barriers on the development of intraregional trade. The results of the study indicate varying degrees of effectiveness of trade agreements in the Asia-Pacific region. The key findings of the work include identifying the factors that determine the effectiveness of trade agreements in the Asia-Pacific region and substantiating the need to formulate a trade policy that takes into account the economic characteristics of the participating countries. The results of the study can be used to develop strategies for the development of regional trade, improve trade policy mechanisms, and determine priority areas of international cooperation in the Asia-Pacific region.

KEYWORDS

Trade agreement, Asia-Pacific region, APTA, SAFTA, AFTA, RCEP, tariff.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) характеризуется самой высокой долей населения в мире. Статистические данные за 2025 год свидетельствуют о том, что на АТР приходится 59 % населения мира, в то время как на африканский регион, занимающий второе место, всего лишь 18 %^[1]. Прогнозы указывают на сохранение данной тенденции в будущем: к 2050 году доля населения АТР составит 55 %, а африканского региона – 25 %^[2]. Устойчивый темп прироста ВВП более 4 % в год в таких странах, как Китай, Индия, Индонезия и Сингапур, существенно контрастирует с экономическим спадом в Германии, крупнейшей экономике Европы, которая демонстрирует отрицательную динамику ВВП в -0,2 %^[3]. Данный контраст свидетельствует о перераспределении центров экономического влияния в мировом хозяйстве, о его смещении в сторону АТР. АТР также демонстрирует устойчивое лидерство в мировой торговле, сохраняя лидирующие позиции по объемам экспорта, импорта и вклада в мировой ВВП в течение последних лет^[4]. В 2024 году ВТО опубликовала комплексное исследование, согласно которому азиатские страны лидируют по темпам роста экспорта (7,4 %), почти вдвое опережая второй регион – Ближний Восток (4,7 %). Кроме того, по состоянию на март 2024 года в число пятнадцати ведущих мировых финансовых центров вошли шесть азиатских городов, при этом Сингапур и Гонконг заняли 3-е и 4-е места, соответственно^[5]. Таким образом, АТР представляет

собой важный центр мировой торговли, обладающий высоким потребительским спросом и оказывающий заметное влияние на глобальные рынки.

Актуальность данного исследования определяется возрастающей ролью АТР в глобальной системе. Изучение экономических процессов, происходящих в регионе, является необходимым условием для прогнозирования тенденций развития мировой торговли и международных отношений. В этой связи особое значение приобретает анализ торговых соглашений в регионе и определение их влияния на экономическое развитие АТР.

Научная новизна работы состоит в выявлении основных торговых соглашений, занимающих ключевое положение в регионе, а также в оценке их деятельности и дальнейших перспектив. Это позволит провести сравнительный анализ различных моделей торговых соглашений и спрогнозировать будущие тенденции развития региональной торговли, выявляя потенциальные возможности для экономического сотрудничества.

Целью исследования является определение ключевых торговых соглашений АТР и оценка их деятельности.

Задачами исследования являются:

- Рассмотрение структуры и особенностей торговых альянсов в АТР;
- Выявление общих черт и различий в проанализированных торговых соглашениях;
- Оценка эффективности деятельности торговых соглашений на основе полученных данных;

[1] Regions in the world by population (2025) // Worldometer: site. — URL: <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-region/> (дата обращения: 05.02.2025).

[2] Ibid.

[3] Темпы роста ВВП // Trading Economics: site. — URL: <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/gdp-annual-growth-rate> (дата обращения: 25.01.2025).

[4] World Trade Organization. Global Trade Outlook and Statistics // World Trade Organization: official site. — 2024. — P. 8 — URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/stat_10oct24_e.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

[5] Экономический восход. Перспективы роста стран АТР // Росконгресс: официальный сайт. — URL: https://roscongress.org/materials/ekonomicheskij-voskhod-perspektivy-rosta-stran-atr/?ysclid=mbb6ixrhi93245806468utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 25.01.2025).

- Определение будущих тенденций развития региональной торговли.

АТР включает в себя множество крупных торговых соглашений, хорошо известных мировой общественности, например, форум АТЭС и Транстихоокеанское партнерство. Выбор автором многосторонних торговых соглашений в исследовании (АПТА, САФТА, АФТА и ВРЭП) обусловлен тем, что они охватывают ключевые субрегионы АТР. АПТА — одно из старейших соглашений Восточной Азии, САФТА — представляет Южную Азию с преобладанием наименее развитых стран, АФТА — модель успешной интеграции в Юго-Восточной Азии, а ВРЭП — новейшие и самое перспективное соглашение, объединяющее АСЕАН и ее ключевых партнеров. Все соглашения совокупно охватывают большую часть населения и ВВП региона и включают в себя развитые, развивающиеся и наименее развитые экономики. Кроме того, данная выборка отражает эволюцию торговой интеграции в АТР (от АСЕАН до ВРЭП) и диверсификацию моделей (от простых ЗСТ до ЗСТ+).

Методологическая и теоретическая база работы включает в себя качественный контент-анализ зарубежных и отечественных исследовательских работ в области АТР и торговых соглашений; экономико-статистический и графический методы представления информации; изучение и обобщение информации, полученной из баз данных ВТО, ЮНКТАД и ЭСКАТО; сравнительный анализ положений торговых соглашений.

Анализ научной литературы, посвященной торговым соглашениям, свидетельствует о том, что общий прогресс в области торговой интеграции был ускорен созданием многочисленных зон свободной торговли, особенно в АТР. Большинство исследователей фокусируются на анализе наиболее крупных и известных соглашений, таких как АПТА и АФТА^[1], в то время как другие значимые региональные объединения, такие как САФТА и ВРЭП, остаются ограниченно изученными. Кроме того, существенным ограничением многих исследований является рассмотрение эффективности отдельных торговых соглашений в отрыве от других, что не позволяет провести сравнительный анализ и выявить наиболее перспективные модели региональной интеграции^[2]. Особую сложность представляет изучение ВРЭП, являющегося относительно новым соглашением, в связи с чем количество научных публикаций, посвященных анализу результатов его деятельности, не так велико, как в случае с другими соглашениями. Несмотря на наличие предварительных обзоров и аналитических материалов на тему ВРЭП^[3], их ценность ограничена в связи с тем, что они были подготовлены до официального вступления соглашения в силу и не учитывают фактические результаты его реализации. Анализ работ российских исследователей выявляет тенденцию к преимущественному изучению интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и АСЕАН. При этом, как показывает пример

[1] Shafighi N., Gharleghi B. Do regional trade agreements increase trade? Empirical evidence from the Asia-Pacific region / N. Shafighi, B. Gharleghi // *Economic Affairs*. — 2020. — Vol. 40. — P. 419–435.

[2] Farhad M. Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement. / M. Farhad. — Bangkok: United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, 2022. — 142 p.

[3] Short overview of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP): briefing // Policy Department for External Relations, European Parliament: site. — URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653625/EXPO_BRI\(2021\)653625_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653625/EXPO_BRI(2021)653625_EN.pdf). (дата обращения: 05.02.2025).

«Международного доклада об оценке интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли»^[1], другие важные торговые соглашения АТР часто остаются нерассмотренными, что ограничивает понимание общей картины региональной интеграции и перспектив развития торговли в АТР. В российском научном сообществе существуют работы, посвященные Южной Азии и торговому соглашению САФТА, однако многие из них были опубликованы более 5 лет назад. Учитывая произошедшие в мире изменения, актуальность данных вызывает сомнения^[2]. Более современные работы российских исследователей больше сфокусированы на перспективах сотрудничества России с региональными объединениями, чем на отличительных особенностях их внутреннего сотрудничества^[3]. Исследования развития экономики Южной Азии с обсуждением САФТА и ВРЭП, достаточно многочисленны, однако они часто сосредотачиваются более на освещении исторического развития отношений, чем на их современном виде^[4]. Отдельно следует отметить, что многие работы о ВРЭП были написаны и опубликованы в 2022 году, когда соглашение только вступило в силу^[5]. Поэтому они скорее оценивают потенциальные возможности, а не реальные результаты^[6]. Таким образом, настоящее исследование призвано заполнить существующие пробелы в литературе путем про-

ведения комплексного сравнительного анализа ключевых торговых соглашений в АТР и оценки их перспектив в контексте динамично меняющейся мировой экономики.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТОРГОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АТР

Торговые соглашения являются одним из основных инструментов развития международной торговли, обеспечивая преференциальный режим для стран-участниц. Исторически торговые соглашения развивались на двух уровнях: глобальном уровне (ГАТТ, ВТО), устанавливающим универсальные правила для всех стран-участниц, и на субглобальном (региональном) уровне, стимулирующем более тесное взаимодействие между соседними государствами. В отличие от глобальных, региональные соглашения охватывают лишь ограниченное число стран, обеспечивая более глубокую, но при этом географически узкую интеграцию. Примером раннего регионального регулирования служит мирный торговый договор между Русью и Византией X века, фрагменты которого зафиксированы в «Повести временных лет»^[7]. Договор предусматривал взаимное предоставление определенных торговых привилегий и разрешение спорных вопросов. Это позволяет

[1] Абуова Д.Г. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: международный доклад НИУ ВШЭ / Абуова Д.Г., Аветисян С.С., Ахвердян Д.Н., Барчо Ю.И., Бирюкова О.В., Глазатова М.К., Горшколепов К.А. [и др.]. — М.: Институт торговой политики НИУ ВШЭ, 2024. — 351 с.

[2] Ефимов С.Д. Особенности ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии / С.Д. Ефимов, Е.А. Савельева // Инновационная экономика. — 2017. — №2(11). — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29457559_59927041.htm.

[3] Костюнина Г.М. Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (САФТА): тенденции интеграционного взаимодействия и внешняя торговля с Россией / Г.М. Костюнина // Российский внешнеэкономический вестник. — 2022. — №10. — С. 38-53.

[4] Савинский А.В. Южная Азия: социально-экономическая динамика и новые точки роста / А.В. Савинский // Россия и Азия. — 2023. — №3. — С. 41-50.

[5] Ночвина Б.А. ВРЭП: новая экономическая инициатива КНР в современных условиях / Б.А. Ночвина, А.А. Кузнецова // Экономические исследования и разработки. — 2022. — №10. — С. 41-46.

[6] Саламатов В.Ю. Перспективы и место ВРЭП в системе мегарегиональных торговых блоков / В.Ю. Саламатов, А.В. Тангаева, В.О. Коломин // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — №2. — С. 23-32.

[7] Повесть временных лет // Интернет-Библиотека Алексея Комарова. — 6415. — URL: <https://ilibrary.ru/text/4339/p.1/index.html?ysclid=m6xcg329ff786520839> (дата обращения: 27.01.2025).

утверждать, что признание региональных торговых соглашений в качестве эффективного механизма стимулирования внешней торговли и обеспечения доступа к ценным ресурсам, таким как золото, возникло еще в первом тысячелетии, когда многие государства только зарождались.

Одним из значимых этапов в развитии международной торговли стало создание глобальных институтов регулирования торговых соглашений после Второй мировой войны. Ключевым глобальным соглашением того периода являлось Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), подписанное в 1947 году с целью поощрения снижения тарифных барьеров среди стран-участниц и создания основы для расширения многосторонней торговли. Вскоре, в 1960 году, было заключено первое региональное торговое соглашение в Латинской Америке — Соглашение о создании Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ), направленное на формирование общего рынка и ускорение социально-экономического развития стран-участниц.

Тенденция к регионализации и формированию региональных торговых соглашений, стимулирующих экономический рост и повышение уровня жизни, не обошла стороной и страны АТР. В 1967 году была подписана декларация АСЕАН, которая устанавливала основные цели организации, и в рамках которой до 1990-х гг действовала зона преференциальной торговли между странами-участницами. Первым соглашением о торговых переговорах между развивающимися странами в АТР стало Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (АПТА), также известное как Бангкокское соглашение, подписанное в 1975 году. Целями данного регионального соглашения являлись содействие экономическому развитию

и укрепление международного экономического сотрудничества путем реализации взаимовыгодных мер по либерализации торговли. В состав участников АПТА входят семь государств АТР: Бангладеш, Индия, Китай, Монголия, Республика Корея, Шри-Ланка и Лаосская Народно-Демократическая Республика, при этом предусмотрена возможность присоединения новых членов из числа стран региона. Важно отметить, что АПТА является уникальным примером региональной интеграции, поскольку представляет собой единственное соглашение, в рамках которого Индия и Китай устанавливают прямые торговые связи. В других торговых соглашениях, в которых участвуют Индия и Китай, их взаимодействие характеризуется статусом наблюдателей, которые не распространяют тарифные преференции друг на друга.

АПТА - не единственное торговое соглашение, в котором задействованы страны-участницы. АТР характеризуется сложной сетью торговых связей: по состоянию на 2024 год здесь действует более 220 торговых соглашений, тесно переплетающихся между собой (см.рис.1).

Анализ представленной схемы позволяет заключить, что все страны-участницы АПТА одновременно являются членами, как минимум, еще одного регионального торгового соглашения. Например, Лаосская Народно-Демократическая Республика в качестве полноправного члена участвует как в АПТА, так и в АСЕАН, что приводит к дублированию положений и потенциальной конкуренции между тарифными режимами. Аналогичная ситуация наблюдается у Бангладеш, Индии и Шри-Ланки, входящих как в АПТА, так и в Южноазиатской зоны свободной торговли (САФТА). Подобное наложение региональных торговых

RTAs by APTA member countries

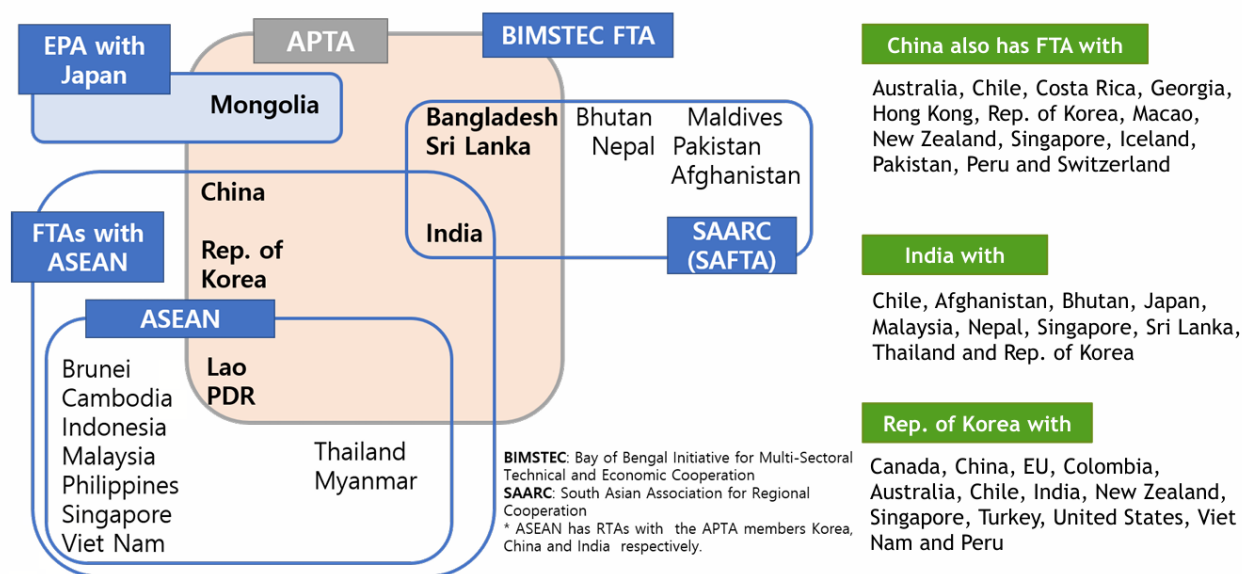

Рис. 1. Региональные торговые соглашения в АТР

Источник: AFTA: an evolving preferential regional trade agreement^[1]

соглашений с частично совпадающим составом участников поднимает важный вопрос об их эффективности и целесообразности: какие из этих группировок способны обеспечить реальный экономический эффект, а какие постепенно теряют свою актуальность и превращаются в формальные структуры.

Для сравнения региональных торговых соглашений следует провести анализ их основных характеристик.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Южноазиатская зона свободной торговли (САФТА) представляет собой региональное торговое соглашение, заключенное между странами-членами Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) в январе 2004 года. Аналогично другим

интеграционным группировкам, целью САФТА является стимулирование взаимной торговли и экономического сотрудничества в регионе. В состав соглашения входят восемь стран с различным уровнем экономического развития: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивские острова, Непал, Пакистан и Шри-Ланка.

Соглашение АФТА, вступившее в силу в январе 1992 года, было призвано стимулировать торговлю и производство в странах АСЕАН, а также способствовать экономической интеграции с региональными и международными партнерами. 10 стран-членов АСЕАН, являющиеся основными участниками соглашения, имеют действующие соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ) с Китаем, Индией, Республикой Корея, Японией, Австралией и Новой Зеландией, которые называются АСЕАН+1. Следует

[1] Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement: report // United Nations ESCAP – 2023. – P. 23. – URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/Sharing%20on%20APTA_Oct2023_v2.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

отметить, что последние шесть стран имеют статус стран-наблюдателей в АФТА, который не дает им право на участие в принятии решений, касающихся тарифной политики АФТА. Аналогичный статус имеют Папуа-Новая Гвинея, Восточный Тимор и Россия, однако в отличие от предыдущей группы стран, АСЕАН не имеет действующих соглашений о ЗСТ с данными наблюдателями.

Создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) в январе 2022 года стало логическим продолжением эволюции региональных торговых соглашений в АТР. ВРЭП, сформированное на базе АФТА, устранило асимметрию в статусе участников, предоставив равные права 10 странам АСЕАН и странам-партнерам (Китай, Индия, Республика Корея, Япония, Австралия и Новая Зеландия),

ранее имевшим статус наблюдателей в АСЕАН. Целью ВРЭП являлось создание ЗСТ+, характеризующейся более глубокой интеграцией, выходящей за рамки традиционной либерализации торговли товарами. Создание ЗСТ+ предполагало не только снижение тарифных и нетарифных барьеров, но и создание благоприятных условий для привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), унификацию правовых норм, регулирующих защиту интеллектуальной собственности, а также гармонизацию технических регламентов.

С целью систематизации и наглядного представления информации о членском составе, датах создания и основных целях рассматриваемых торговых соглашений, были разработаны репрезентативные таблица и график (см. табл.1 и рис.2).

Таблица 1. Год и цели создания торговых соглашений

Название торгового соглашения	Год создания	Основные цели создания
АСЕАН	1967	1. Ускорение экономического роста, социального прогресса 2. Создание ЗСТ 3. Содействие региональному миру и стабильности
АПТА	1967	Содействие экономическому развитию и укреплению международного экономического сотрудничества
АФТА	1992	1. Стимулирование торговли и производства 2. Способствование экономической интеграции с региональными и международными партнерами
САФТА	2004	1. Содействие взаимной торговли и экономическому сотрудничеству в регионе
ВРЭП	2022	Создание ЗСТ+

Источник: составлено автором по представленным выше данным.

Анализ данных, представленных в таблице, выявляет определенное сходство в заявленных целях среди трех рассматриваемых региональных торговых соглашений. Цели ВРЭП, на первый взгляд, отличаются, однако при более детальном рассмотрении концепции ЗСТ+ становится очевидным, что они также соответствуют общему направлению, заданному другими соглашениями. Особое внимание

привлекает существенная разница между датами подписания АПТА и ВРЭП. В этой связи возникает вопрос об актуальности положений АПТА в контексте современных вызовов и тенденций, в то время как ВРЭП, в силу своей новизны, очевидно позиционируется как более динамичный и перспективный инструмент регионального экономического сотрудничества.

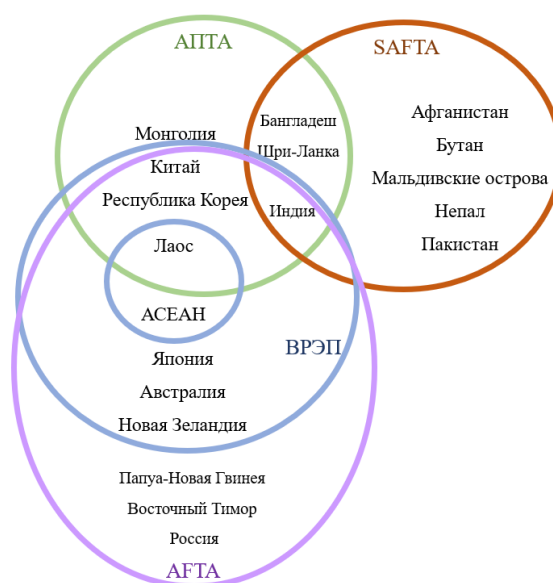

Рис. 2. Распределение стран АТР по торговым соглашениям

Источник: составлено автором по представленным выше данным

Схема распределения стран АТР по торговым соглашениям демонстрирует высокую степень интеграции между АПТА, ВРЭП и АФТА, в то время как САФТА занимает несколько обособленное положение (см.рис.2). САФТА выделяется тем, что в ее состав входят преимущественно наименее развитые страны (НРС). В теории, предоставление специальных торговых режимов для НРС должно способствовать стимулированию их экспортного потенциала и экономическому росту. Однако, на практике, доминирующая роль Индии, обладающей более конкурентоспособной промышленностью,

может приводить к усилению импортной зависимости НРС и вытеснению национальных производителей с внутреннего рынка. В то же время, индийские товары могут способствовать удовлетворению потребностей населения НРС в условиях ограниченных возможностей внутреннего производства. Для оценки эффективности САФТА необходимо проведение дальнейших исследований, направленных на выявление баланса между возможностями и рисками для НРС в рамках данного соглашения.

В контексте региональных торговых соглашений АПТА, ВРЭП и АФТА,

высокая степень пересечения членского состава создает потенциальные вызовы для эффективности экономической интеграции. Несмотря на то, что ключевой целью данных соглашений является снижение торговых барьеров и стимулирование внутрирегиональной торговли, дублирование положений и возможные противоречия могут нивелировать положительный эффект от либерализации торговли. Для оценки эффективности существования нескольких соглашений с частично совпадающим составом участников необходим детальный анализ тарифных планов и результатов их деятельности.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ И ТАРИФНЫЕ РЕЖИМЫ

Сравним действующие льготные тарифные режимы в рамках торговых соглашений. Льготные тарифные режимы в рамках АПТА базируются на принципе коэффициента предпочтения (Margin of Preference, MoP), рассчитываемого по формуле: $MoP = \frac{(MFN\ duty - tariff\ rate\ conceded\ under\ the\ Agreement)}{MFN\ duty} \times 100\%$

где MFN duty – пошлина режима наибольшего благоприятствования, а “tariff rate conceded under the Agreement” – тарифная ставка, установленная соглашением^[1]. Согласно имеющимся данным, действующие в рамках АПТА тарифные льготы варьируются от 21 % (Шри-Ланка) до 34 % (Индия) и распространяются более чем на 10 000 товарных позиций (см.табл.2).

Таблица 2. Доступ на рынки по соглашению АПТА

Страна	Количество товаров	MoP (%)
Бангладеш	598	21,76
Китай	2191	33,09
Индия	3142	33,45
Лаосская Народно-Демократическая Республика	999	30,17
Монголия	366	24,18
Республика Корея	2797	33,39
Шри-Ланка	568	22,06

Источник: AFTA: an evolving preferential regional trade agreement^[2]

Следует отметить, что для НРС существуют особые условия, предусматривающие более мягкие требования в отношении тарифных обязательств. В целом, за последние два десятилетия средний уровень применяемых тарифов в регионе АПТА сократился вдвое.

Однако, параллельно наблюдается увеличение числа нетарифных мер (НТМ), в том числе санитарных мер и технических барьеров в торговле. Признавая необходимость снижения влияния НТМ для расширения внутрирегиональной торговли, страны-члены АПТА

[1] Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement: report // United Nations ESCAP. — 2023. — P. 3. — URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/Sharing%20on%20APTA_Oct2023_v2.pdf (дата обращения: 02.02.2025).
[2] Ibid, p. 14.

Механизм либерализации торговли в САФТА, закрепленный в 7 статье соглашения, основан на принципе постепенного снижения тарифных ставок до целевого уровня 0 – 5 %^[1]. Для НРС предусмотрены льготные условия, обеспечивающие большую гибкость в выполнении тарифных обязательств. Из сферы действия стандартного механизма либерализации исключены товары, включенные в “чувствительный список”, тарифные условия для которых определяются отдельно на основе двусторонних договоренностей между странами-партнерами. В отношении нетарифных мер, страны-участницы САФТА обязуются отменить все количественные ограничения, за исключением случаев, разрешенных ГАТТ 1994, в отношении товаров, включенных в программу либерализации торговли.

Характерной особенностью АФТА является отсутствие унифицированного внешнего тарифа. Каждое государство-член АСЕАН обладает автономией в определении ставок таможенных пошлин на товары, импортируемые из стран, не входящих в АСЕАН, в соответствии со своим национальным законодательством. Однако, в отношении товаров, имеющих региональное происхождение, страны АСЕАН обязаны применять преференциальный тариф 0 – 5%, в соответствии с системой единого эффективного преференциального тарифа (Common Effective Preferential Tariff, СЕРТ). Данный режим имеет ряд исключений, в частности, в отношении критических сельскохозяйственных товаров и товаров, включенных в список временных исключений. В отношении этих категорий товаров применяются более высокие

тарифные ставки, превышающие 5 %, однако предусматривается их последующее снижение. Кроме того, каждое государство-член АСЕАН вправе устанавливать особые тарифные режимы в отношении товаров, признанных необходимыми для защиты национальной безопасности, общественной морали, жизни и здоровья людей, животных и растений, а также для сохранения произведений искусства, исторических объектов и объектов археологического значения.

Либерализация торговли в рамках ВРЭП, в соответствии со 2 статьей соглашения, осуществляется посредством постепенного снижения тарифных ставок на основе принципов и правил, закрепленных в ГАТТ 1994^[2]. Процесс тарифной либерализации предусматривает немедленную отмену значительной части тарифов, а также поэтапное снижение оставшихся тарифных ставок в течение 20-летнего периода. Сохраняющиеся тарифные ограничения, как правило, распространяются на отдельные продукты в стратегически важных секторах, таких как сельское хозяйство и автомобильная промышленность, в отношении которых ряд стран-участниц ВРЭП отказались от принятия обязательств по либерализации торговли. В отношении нетарифных мер, соглашение обязывает государства-члены к устранению количественных и иных ограничений на импорт и экспорт, за исключением случаев, когда применение таких мер соответствует положениям Соглашения ВТО или условиям данного соглашения. С целью повышения предсказуемости и прозрачности торгового режима, каждая сторона ВРЭП обязана

[1] Ministry of Commerce Islamic Republic of Pakistan. Agreement on South Asian free trade area (САФТА): подписано 6 января 2004 // Ministry of Commerce Islamic Republic of Pakistan: официальный сайт. — URL: <https://www.commerce.gov.in/wp-content/uploads/2020/05/САФТА.pdf> (дата обращения: 04.02.2025).

[2] New Zealand Foreign Affairs and Trade. Regional comprehensive economic partnership agreement: подписано 15 ноября 2020 г. // New Zealand Foreign Affairs and Trade: официальный сайт. — URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/RCEP/RCEP-Agreement-Legal-Text.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

обеспечивать прозрачность применяемых нетарифных мер.

Обобщая данные о рассмотренных тарифных режимах торговых соглашений, следует отметить, что АПТА демонстрирует более низкие темпы тарифной либерализации по сравнению с другими, несмотря на более раннюю дату создания. В частности, минимальный уровень тарифных преференций в АПТА в 2023 году составил 21 %, в то время программы либерализации торговли САФТА и АФТА предусматривают снижение тарифов до 0 – 5 %. Кроме того, в АПТА наблюдается проблема, связанная с увеличением нетарифных барьеров, в то время как другие соглашения уже на момент подписания предусматривали обязательную отмену количественных и иных ограничений во взаимной торговле. В связи с этим, ряд экспертов отмечают, что АПТА, несмотря на свою длительную историю и значительный потенциал, в настоящее время уступает другим региональным торговым соглашениям по уровню эффективности.

Сравнение тарифного режима ВРЭП с другими региональными торговыми соглашениями требует учета как краткосрочных, так и долгосрочных перспектив. Несмотря на амбициозные цели по снижению тарифных барьеров, программа либерализации торговли в рамках ВРЭП рассчитана на более длительный период, чем программы других соглашений. В этой связи, на текущем этапе реализации ВРЭП может демонстрировать меньшую эффективность по сравнению с более ранними соглашениями. Однако, в долгосрочной перспективе данное отставание может быть компенсировано по

мере достижения целевых показателей либерализации. Вместе с тем, ВРЭП характеризуется высокой степенью детализации, что позволяет снизить риски, связанные с нечеткими формулировками и регуляторными пробелами. Однако, детальность соглашения создает дополнительные трудности в процессе реализации и мониторинга выполнения обязательств, что может оказывать негативное влияние на результативность ВРЭП.

ДИНАМИКА ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ

Статистический анализ региональных торговых соглашений позволяет выявить существенные различия в их экономическом потенциале и демографических характеристиках. Согласно отчетным данным за 2023 год, на страны-участницы АПТА приходится около 40 % мирового населения, обеспечивших в 2021 году 24 % мирового ВВП, оцениваемого в 23,24 трлн долларов США^[1]. В САФТА проживает около 1,94 млрд человек, что соответствует 25 % мирового населения, однако совокупный ВВП стран-участниц составляет всего лишь 4,5 млн долларов США^[2]. АФТА, объединяя всего 660 млн человек из стран АСЕАН, при учете стран-наблюдателей охватывает половину населения Земли. Следует отметить, что одно только соглашение о зоне свободной торговли между Китаем и АСЕАН (ACFTA) охватывает около 2 млрд человек и обеспечивает ВВП, превышающий 4,5 трлн долларов США (4 % мирового ВВП). ВРЭП, благодаря схожему составу участников, демонстрирует

[1] Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement: report // United Nations ESCAP. — 2023. — P. 5 — URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/Sharing%20on%20APTA_Oct2023_v2.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

[2] SAARC – South Asian Association for Regional Cooperation // Country economy. — URL: <https://countryeconomy.com/countries/groups/south-asian-association-regional-cooperation> (дата обращения: 30.01.2025).

сопоставимые показатели: около 30 % мирового населения и около 30 % мирового ВВП^[1]. Таким образом, большинство рассматриваемых соглашений обладают значительным демографическим потенциалом, определяемым участием таких крупных азиатских стран, как Китай и Индия. Вместе с тем, САФТА, характеризующаяся преобладанием НРС в своей структуре, демонстрирует существенно более низкий уровень экономического развития, что указывает на нереализованный потенциал данного регионального блока.

Анализ показателей торговли стран-участниц АПТА свидетельствует о следующем. Во-первых, на долю АПТА приходится 20 % мировой торговли товарами и 12 % мировой торговли услугами^[2]. Во-вторых, доля внутрирегионального экспорта АПТА остается относительно стабильной, а абсолютный объем внутрирегионального экспорта АПТА демонстрирует существенный рост, увеличившись примерно на 44% в период с 2013 по 2021 год.

Анализ динамики внутрирегиональной торговли в рамках САФТА показывает, что, несмотря на значительный рост в абсолютном выражении, доля внутрирегиональной торговли в общем объеме торговли стран-участниц увеличилась незначительно. Это свидетельствует о нереализованном потенциале соглашения и недостаточной вовлеченности стран-членов в процессы региональной интеграции. Одним из основных факторов, сдерживающих рост внутрирегиональной торговли в рамках САФТА, является наличие обширного чувствительного списка товаров, исключенных из программы либерализации. Уступки,

предоставленные странами-участницами в рамках САФТА, оказались недостаточными для существенного увеличения объемов торговли в регионе. Многие страны-члены, являющиеся НРС, стремятся защитить местные отрасли, опасаясь конкуренции со стороны более развитых экономик, в частности Индии, поэтому исключение почти 100 % тарифных позиций из чувствительного списка Индией, не нашло поддержки у других членов САФТА. Опасения вызваны возможным увеличением импорта из Индии и подрывом местных производств, что, например, отражается в наличии «негативного списка» из 1200 товаров, введенного Пакистаном в отношении Индии, ограничивающего возможности индийского экспорта. Для стимулирования внутрирегиональной торговли в рамках САФТА необходимо, с одной стороны, сокращение чувствительного списка и предоставление более существенных тарифных уступок. С другой стороны, необходимо учитывать, что страны-члены САФТА имеют преференциальный доступ на рынки развитых стран, что снижает их заинтересованность в развитии торговли внутри регионального блока, который не в силах предоставить им тот же уровень платежеспособного спроса, как на рынках развитых стран. В частности, Бангладеш, Пакистан и Шри-Ланка пользуются льготами в рамках Генеральной системы преференций (GSP) при экспорте в Европейский Союз и США.

После создания АФТА наблюдался существенный рост общего объема торговли между странами-членами АСЕАН, демонстрирующий

[1] Short overview of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP): briefing // Policy Department for External Relations, European Parliament. — P. 6. — URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653625/EXPO_BRI\(2021\)653625_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653625/EXPO_BRI(2021)653625_EN.pdf) (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement: report // United Nations ESCAP. — 2023. — P. 5 — URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/Sharing%20on%20APTA_Oct2023_v2.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

среднегодовой прирост в 11,6 %^[1]. В отличие от САФТА, где темп роста внутрирегиональной торговли был намного ниже темпа роста внешней торговли с третьими странами, в АФТА динамика роста внутрирегиональных торговых потоков опережает динамику внешней торговли. Это свидетельствует о более глубокой интеграции стран-членов АСЕАН и более выраженном эффекте создания торговли в рамках АФТА, что обусловлено более экономически однородным составом и более эффективными механизмами либерализации торговли.

Одним из значимых препятствий на пути дальнейшего развития внутрирегиональной торговли в рамках АФТА являлось то, что соглашения о создании ЗСТ заключались отдельно с каждым партнером, имеющим статус наблюдателя в основном соглашении. После длительного процесса переговоров было принято решение о создании общего экономического пространства для всех 16 участников, наделяющего их равными правами. Однако, расширение состава полноправных членов выявило проблему диспропорций в уровнях экономического развития, что привело к разделению ВРЭП на две выраженные группы: развивающиеся и развитые страны. Данная проблема была менее актуальна для АФТА, поскольку АСЕАН объединяла страны с сопоставимым уровнем экономического развития, а развитые страны, такие как Австралия, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония, присоединялись только в рамках двусторонних соглашений о ЗСТ. Объединение стран с существенно различающимся уровнем дохода в рамках ВРЭП создает риски возникновения проблем, аналогичных тем, что наблюдаются в САФТА, вклю-

чая ограничение внутрирегиональной торговли и усиление конкуренции между странами с разным уровнем конкурентоспособности. Имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют в полной мере оценить эффективность ВРЭП, учитывая, что с момента его подписания прошло всего 3 года и страны-члены только приступили к реализации программы либерализации торговли. Большая часть торговли среди стран пока все еще сохраняется в рамках устойчивой системы АФТА и соглашениях о ЗСТ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данного исследования был проведен комплексный анализ ключевых региональных торговых соглашений в АТР, включающий изучение их структуры, целей и эффективности. Исследование позволило выявить как общие черты, так и существенные различия в подходах к либерализации торговли и интеграции в рамках различных региональных блоков.

В частности, было установлено, что АПТА, несмотря на более раннюю дату основания, демонстрирует менее высокие темпы тарифной либерализации и сталкивается с проблемой роста нетарифных барьеров. Вопреки этому, анализ статистических данных о торговле свидетельствует о том, что относительно высокие тарифы в рамках АПТА не препятствуют увеличению внутрирегиональной торговли, которая демонстрирует устойчивый рост как в абсолютном, так и в относительном выражении. В то же время САФТА, характеризующаяся более низкими тарифными ставками и отсутствием нетарифных барьеров, отличается значительным нереализованным

[1] Hapsari I.M. Determinants of AFTA Members' Trade Flows and Potential for Trade Diversion / I.M. Hapsari, C. Mangunsong // Asia-Pacific Research and Training Network on Trade Working Paper Series. — 2006. — Vol.21. — P. 5 — URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/AWP%20No.%2021.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

потенциалом и недостаточной степенью интеграции между странами-членами. В связи с этим возникает вопрос о непосредственном влиянии тарифных ставок на развитие внутрирегиональной торговли. Действительно ли низкие тарифные ставки являются безусловно эффективным инструментом стимулирования торговли, или в определенных условиях более высокие тарифы могут демонстрировать большую эффективность? Этот вопрос требует дальнейшего углубленного изучения с учетом специфики стран-участниц, структуры их экономик и влияния внешних факторов.

В контексте САФТА возникает еще один важный вопрос: насколько перспективно развитие данного соглашения в будущем? С одной стороны, САФТА предоставляет уникальную возможность НРС региона для стимулирования экономического роста за счет преференциальной торговли между странами-членами. Однако, как показывают рассмотренные данные, страны-члены САФТА в недостаточной степени реализуют потенциал этого соглашения, отдавая предпочтение торговле с развитыми странами, где существует более высокий платежеспособный спрос и где они также имеют льготный доступ благодаря своему статусу НРС. Более того, доминирование Индии, обладающей значительно более развитой экономикой, закономерно вызывает опасения у других стран-членов САФТА относительно потенциального усиления импортной зависимости и вытеснения национальных производителей. Учитывая значительный разрыв в уровне экономического развития между Индией и другими странами-членами САФТА, можно предположить, что пока существует угроза в виде более экономически развитой Индии, региональное соглашение не сможет достичь своих целей в пол-

ноценной либерализации торговли и создании сбалансированного экономического пространства. Однако в силу того, что большинство участников САФТА относятся к категории НРС, маловероятно, что в обозримом будущем произойдет существенное сокращение этого разрыва. Поэтому, эффективность данного соглашения остается под вопросом, и ожидать серьезных изменений ситуации в ближайшем будущем не стоит. В связи с этим, дальнейшие исследования могут быть направлены на: 1) разработку механизмов компенсации негативных последствий для менее конкурентоспособных отраслей в НРС; 2) поиск альтернативных моделей региональной интеграции, учитывающих специфические потребности и возможности стран Южной Азии. Возможно, более эффективным подходом было бы сосредоточиться на развитии секторальных соглашений и углублении сотрудничества в конкретных областях, представляющих взаимный интерес для стран-членов САФТА.

АФТА, в свою очередь, зарекомендовала себя как успешное торговое соглашение, характеризующееся низкими торговыми тарифами и эффективной интеграцией стран-членов АСЕАН, что проявляется в опережающих темпах роста внутрирегиональной торговли. Ключевым фактором успеха АФТА можно считать относительно однородный уровень экономического развития стран-участниц и продуманную политику либерализации торговли в регионе. На фоне хорошо отлаженного механизма АФТА и его перспектив сохранения и развития в будущем возникает закономерный вопрос о перспективах ВРЭП, который был сформирован на базе АФТА. В результате многолетних переговоров страны-участницы попытались найти оптимальный баланс между ограничениями и либерализацией. Согласно

существующему тексту соглашения, при достижении заявленных целей и соблюдении положений, ВРЭП имеет потенциал стать одним из крупнейших и наиболее влиятельных региональных блоков в мире. Однако, учитывая, что ВРЭП находится лишь в начале своего

пути, для объективной оценки реальной эффективности данного соглашения необходимо дальнейшее наблюдение и детальный анализ его влияния на региональную торговлю и экономическое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абуова Д.Г. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: международный доклад НИУ ВШЭ / Абуова Д.Г., Аветисян С.С., Ахвердян Д.Н., Барчо Ю.И., Бирюкова О.В., Глазатова М.К., Горшколепов К.А. [и др.]. — М.: Институт торговой политики НИУ ВШЭ. — 2024. — 351 с.
2. Ефимов С.Д. Особенности ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии / С.Д. Ефимов, Е.А. Савельева // Инновационная экономика. — 2017. — №2 (11). — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29457559_59927041.htm.
3. Костюнина Г.М. Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (САФТА): тенденции интеграционного взаимодействия и внешняя торговля с Россией / Г.М. Костюнина // Российский внешнеэкономический вестник. — 2022. — №10. — С. 38-53.
4. Ночвина Б.А. ВРЭП: новая экономическая инициатива КНР в современных условиях / Б.А. Ночвина, А.А. Кузнецова // Экономические исследования и разработки. — 2022. — №10. — С. 41-46.
5. Савинский А.В. Южная Азия: социально-экономическая динамика и новые точки роста / А.В. Савинский // Россия и Азия. — 2023. — №3. — С. 41-50.
6. Саламатов В.Ю. Перспективы и место ВРЭП в системе мегарегиональных торговых блоков / В.Ю. Саламатов, А.В. Тангаева, В.О. Коломин // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — №2. — С. 23-32.
7. Farhad M. Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement. / M. Farhad. — Bangkok: United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, 2022. — 142 p. — URL: <https://repository.unescap.org/bitstream/handle/20.500.12870/5184/ESCAP-2022-WP-Asia-Pacific-Trade-Agreement-evolving-preferential-regional-trade-agreement.pdf?sequence=6&isAllowed=y> (дата обращения: 04.02.2025).
8. Hapsari I.M. Determinants of AFTA Members' Trade Flows and Potential for Trade Diversion / I.M. Hapsari, C. Mangunsong // Asia-Pacific Research and Training Network on Trade Working Paper Series. — 2006. — Vol.21. — 29 p. — URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/AWP%20No.%2021.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).
9. Shafighi N. Do regional trade agreements increase trade? Empirical evidence from the Asia-Pacific region / N. Shafighi, B. Gharleghi // Economic Affairs. — 2020. — Vol. 40. — P. 419-435. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ecaf.12435> (дата обращения: 27.01.2025).

REFERENCES

1. Abuova D.G. Otsenka integratsionnykh protsessov EAEHS v sfere torgovli: mezhdunarodnyi doklad NIU VSHEH [Evaluation of the Integration Processes of the EAEU in the Sphere of Trade: International Report of the HSE] / Abuova D.G., Avetisyan S.S., Akhverdyan D.N., Barcho YU.I., Biryukova O.V., Glazatova M.K., Gorshkolepov K.A. [et al.] // Moskva: Institut torgovoi politiki NIU VSHEH [Moscow: Institute of Trade Policy, National Research University Higher School of Economics] — 2024. — 351 p.
2. Efimov S.D. Osobennosti assotsiatsii regional'nogo sotrudnichestva Yuzhnoi Azii [Features of South Asian Association for Regional Cooperation Activity] / S.D. Efimov, E.A. Savel'eva // Innovatsionnaya ekonomika [Innovative Economy]. — 2017. — №2(11). — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29457559_59927041.htm.
3. Farhad M. Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement. / M. Farhad. — Bangkok: United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, 2022. — 142 p. — URL: <https://repository.unescap.org/bitstream/handle/20.500.12870/5184/ESCAP-2022-WP-Asia-Pacific-Trade-Agreement-evolving-preferential-regional-trade-agreement.pdf?sequence=6&isAllowed=y> (accessed: 04.02.2025).
4. Hapsari I.M. Determinants of AFTA Members' Trade Flows and Potential for Trade Diversion / I.M. Hapsari, C. Mangunsong // Asia-Pacific Research and Training Network on Trade Working Paper Series. — 2006. — Vol.21. — 29 p. — URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/AWP%20No.%2021.pdf> (accessed: 02.02.2025).
5. Kostyunina G.M. Assotsiatsiya regional'nogo sotrudnichestva stran Yuzhnoi Azii (SAARK): tendentsii integratsionnogo vzaimodeistviya i vneshnyaya torgovlya s Rossiei [The South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC): Integration Trends and Trade with Russia] / G.M. Kostyunina // Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal] — 2022. — №10. — P. 38-55.
6. Nochvina B.A. VREHP: Novaya Ehkonomicheskaya Initsiativa KNR v Sovremennykh Usloviyakh [RCEP: China's New Economic Initiative in Modern Conditions] / B.A. Nochvina, A.A. Kuznetsova // Ehkonomicheskie issledovaniya i razrabotki. [Economic Development Research Journal] — 2022. — №10. — P. 41-46.
7. Salamatov V.YU. Perspektivy i mesto VREHP v sisteme megaregional'nykh torgovykh blokov [RCEP in the System of Mega-Regional Trade Agreements] / V.YU. Salamatov, A.V. Tangaeva, V.O. Kolomin // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. — 2022. — №2. — P. 23-32.
8. Savinskii A.V. Yuzhnaya Aziya: sotsial'no-ehkonomicheskaya dinamika i novye tochki rosta [South Asia: Socioeconomic Dynamics and New Growth Points] / A.V. Savinskii // Rossiya i Aziya [Russia and Asia.] — 2023. — №3. — P. 41-50.
9. Shafighi N. Do regional trade agreements increase trade? Empirical evidence from the Asia-Pacific region / N. Shafighi, B. Gharleghi // Economic Affairs. — 2020. — Vol. 40. — P. 419-435. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ecaf.12435> (accessed: 27.01.2025).

Сотрудничество России со странами АТР в сфере ядерной медицины как инструмент «мягкой силы» (на примере проектов ГК «Росатом»)

Гришкова Мария Вячеславовна

Студент 4 курса факультета «Международные отношения»

ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается применение концепции «мягкой силы» во внешней политике России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) через призму сотрудничества в сфере ядерной медицины. Акцентируется внимание на деятельности ГК «Росатом», ведущего холдинга государства в сфере атомной энергетики, по распространению российских ядерных технологий и созданию объектов медицинской инфраструктуры в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Цель работы – выявить роль сотрудничества России со странами АТР через деятельность ГК «Росатом» в сфере ядерной медицины как инструмента реализации «мягкой силы» государства. Методология исследования включает в себя анализ документов, материалов из официальных источников и СМИ, сравнительный анализ программ ГК «Росатом» в странах АТР. В рамках исследования была использована концепция «мягкой силы», предложенная профессором Гарвардского университета Дж. Наем в 1990 г. и заключающаяся в достижении внешнеполитических целей через организацию взаимовыгодного сотрудничества и распространение влияния за счет создания позитивного имиджа государства. Во внешней политике России эта концепция интерпретируется как «гуманитарное сотрудничество». Одним из методов «мягкой силы» в российской внешней полити-

ке является продвижение российских технологий, связанных с мирным атомом, на международные рынки, в том числе рынки стран АТР. Ядерная медицина является одним из востребованных инновационных гуманитарных направлений сотрудничества государств.

Научная новизна исследования заключается в применении концепции «мягкой силы» Дж. Наем к проектам ГК «Росатом» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Впервые проведено исследование проектов ГК «Росатом» в сфере ядерной медицины в странах АТР с точки зрения их использования в качестве инструментов реализации «мягкой силы» во внешней политике России. Главный вывод исследования заключается в том, что ГК «Росатом», предлагая передовые технологии в сфере диагностики и лечения различных заболеваний, способствует улучшению систем здравоохранения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Это, в свою очередь, формирует положительный имидж России как надежного партнера, укрепляет гуманитарные связи и создает благоприятную почву для развития сотрудничества в других областях атомной энергетики. Реализация проектов «Росатома» в сфере ядерной медицины демонстрирует потенциал данного направления для расширения позитивного влияния России в АТР с опорой на взаимовыгодное партнерство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Азиатско-Тихоокеанский регион; Россия; Росатом; мягкая сила; ядерная медицина; ядерная энергетика.

Для связи с автором: dshimmer00@yandex.ru

ВЫПУСК №3(17) ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 2024

Cooperation of Russia with APAC countries in the field of nuclear medicine as a tool of «soft power» (on example of projects of state corporation «Rosatom»)

Maria V. Grishkova

4th year student of the Faculty of International Relations

FSBEI HE «Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation»

119021, Moscow, Ostozhenka 53/2 building 1

ABSTRACT

The article examines the application of the concept of “soft power” in Russia’s foreign policy in the Asia-Pacific region through the prism of cooperation in the field of nuclear medicine. Attention is focused on the activities of Rosatom State Corporation, the state’s leading holding company in the field of nuclear energy, in the dissemination of Russian nuclear technologies and the establishment of medical infrastructure facilities in the Asia-Pacific region.

The purpose of the study is to identify the role of Russia’s cooperation with the countries of the Asia-Pacific region through the activities of Rosatom State Corporation in the field of nuclear medicine as a tool for implementing “soft power”. The research methodology includes an analysis of documents, materials from official sources and the media, and a comparative analysis of Rosatom State Corporation programs in the Asia-Pacific region. The study uses the concept of “soft power” proposed by Harvard University Professor J. Nye in 1990, which consists in achieving foreign policy goals through the organization of mutually beneficial cooperation and the spread of influence by creating a positive image of the state. In Russia’s foreign policy, this concept is interpreted as “humanitarian cooperation”. One of the methods of “soft power”

in Russian foreign policy is the promotion of Russian technologies related to peaceful atom on international markets, including the markets of the Asia-Pacific region. Nuclear medicine is one of the most sought-after innovative humanitarian areas of cooperation between states.

The scientific novelty of the research lies in the application of the concept of “soft power” to Rosatom Group’s projects in the Asia-Pacific region. For the first time, Rosatom State Corporation projects in the field of nuclear medicine in the Asia-Pacific region have been studied from the point of view of their use as tools for implementing “soft power” in Russia’s foreign policy. The main conclusion of the study is that Rosatom State Corporation, offering advanced technologies in the field of diagnosis and treatment of various diseases, contributes to the improvement of healthcare systems in the countries of the Asia-Pacific region. This, in turn, creates a positive image of Russia as a reliable partner, strengthens humanitarian ties and creates favorable conditions for the development of cooperation in other areas of nuclear energy. The implementation of Rosatom’s projects in the field of nuclear medicine demonstrates the potential of this area to expand Russia’s positive influence in the Asia-Pacific region based on mutually beneficial partnership.

KEYWORDS

Asia-Pacific region; Russia; Rosatom; soft power; nuclear medicine; nuclear energy.

Contact the author via dshimmer00@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

Концепция «мягкой силы» была предложена американским политологом, профессором Гарвардского университета Джозефом Наем в 1990 г. и впервые упомянута в его книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» («Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»)^[1]. В статье «Soft power» Дж. Най определяет «мягкую силу» как «второй аспект власти, который проявляется, когда одна страна убеждает другие страны хотеть того же, чего хочет она, можно назвать мягкой силой в отличие от жесткой или компромиссной. Государство может добиваться желаемых для себя результатов в мировой политике, потому что другие государства хотят следовать за ним [...] это обычно ассоциируется с неосязаемой силой, такие ресурсы, как культура, идеология и институты»^[2]. «Мягкая сила» проявляется в использовании во внешней политике государства «мягких» инструментов: взаимовыгодного сотрудничества, продвижения достижений культуры и науки, формирования благоприятного образа государства.

Первоначально Дж. Най разработал данную концепцию применительно к внешней политике США. Однако, как утверждает Е.Г. Пономарева, д-р политических наук, профессор МГИМО МИД России, «мягкая сила» становится «одной из опор российской внешней политики»^[3]. Государственные деятели и политологи активно изучают концепцию «мягкой силы», но её

понимание в России существенно отличается от западной интерпретации. В документах стратегического планирования «мягкая сила» отождествляется с понятием «гуманитарная политика». К примеру, это отражено в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации 2022 года, где под «мягкой силой» понимается, в том числе, продвижение российской науки и ее достижений за рубежом. «Необходимо активно использовать достижения в научно-технической сфере и инновационные разработки, освещать роль российских ученых в развитии мировой академической науки в целях укрепления объективного восприятия нашей страны в мире», – закреплено в документе^[4]. Отход от понятия «мягкой силы» в пользу «гуманитарной политики» отражен в Концепции внешней политики 2023 года, где ключевую роль играет термин «гуманитарное сотрудничество», дополняющий и расширяющий перечень составляющих внешнеполитической деятельности России^[5].

Ядерные технологии, традиционно выступающие как часть «жесткой» силы, на данный момент являются научно-техническим направлением, представляющим стратегический интерес государств, и инструментом повышения привлекательности страны и усиления ее влияния в мире. Как отмечает А.М. Бобыло, канд. полит. наук, заместитель начальника Управления экспорта образования НИЯУ «МИФИ», «одной из возможных форм, которую в полной мере можно назвать

[1] Емельянова Н.Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ // Международная аналитика. — 2018. — №3. — С. 8.

[2] Nye J. C. Soft Power // Foreign Policy. — 1990. — № 80. — P. 167.

[3] Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // МГИМО МИД России: официальный сайт. — URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/238257/?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 06.02.2024).

[4] Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 06.02.2024).

[5] Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 06.02.2024).

маркетинговой кампанией по улучшению имиджа страны, является экспорт российских технологий, связанных с использованием мирного атома за рубежом»^[1]. Передовые технологии «мирного атома», такие как ядерная медицина, интересны партнерам России на внешнеполитической арене, в том числе партнерам в АТР. Научные разработки ГК «Росатом», ведущего холдинга государства в сфере атомной энергетики, применяются в системе здравоохранения стран, нуждающихся в современном ядерном медицинском оборудовании для лечения населения, что соответствует задачам, обозначенным в Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию («укрепление национальных систем здравоохранения») и составляют часть «мягкой силы» или гуманитарной политики государства^[2]. По словам А.Е.Лихачева, генерального директора ГК «Росатом», «важное направление, которое будет востребовано всегда, — ядерная медицина. «Росатом» — абсолютный лидер в производстве изотопов, занимает треть мирового рынка этой продукции и активно развивает производство радиофармпрепаратов [...] Партнерства со странами, где «Росатом» строит атомные станции, — это, с одной стороны, важнейший элемент политики «мягкой силы», затрагивающий не только экономику, но и науку, образование, гуманитарную сферу, а с другой — вклад в российскую экономику»^[3].

Таким образом, предметом исследования являются проекты ГК «Росатом»

в сфере ядерной медицины, реализуемые в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, а объектом — «мягкая сила» как инструмент внешней политики Российской Федерации в АТР, реализуемый через проекты в области ядерной медицины ГК «Росатом». Цель работы — выявить роль сотрудничества России со странами АТР в сфере ядерной медицины (на примере проектов ГК «Росатом») как инструмента реализации «мягкой силы» государства.

В соответствии с поставленной целью сформулированы задачи исследования:

1. Теоретически осмыслить концепцию «мягкой силы» и определить ее роль во внешней политике Российской Федерации

2. Изучить проекты ГК «Росатом» в области ядерной медицины в странах АТР;

3. Оценить значение проектов ГК «Росатом» в рамках применения «мягкой силы» России в АТР.

В основу методологии исследования положен анализ нормативных документов и официальных материалов. Особое внимание уделяется сравнительному исследованию программных инициатив ГК «Росатом» в различных странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Научная новизна исследования заключается в применении концепции «мягкой силы» Дж. Ная к проектам ГК «Росатом» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Впервые проведено исследование проектов ГК «Росатом» в сфере ядерной медицины в странах АТР с точки зрения их использования

[1] Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — №3 (46). — С. 28.

[2] Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584961/ (дата обращения: 06.02.2024).

[3] Алексей Лихачев — о «мягкой силе» российского атомпрома. // Страна «Росатом» - отраслевое издание госкорпорации «Росатом»: официальный сайт. — URL: <https://strana-rosatom.ru/2023/12/04/aleksey-lihachev-o-myagkoj-sile/> (дата обращения: 06.02.2024).

в качестве инструментов реализации «мягкой силы» во внешней политике России. К теме работы обращались такие исследователи, как А.М. Бобыло^[1], Н.Н. Емельянова^[2], Е.Г. Пономарева^[3].

ПРОЕКТЫ ГК «РОСАТОМ» ПО ЯДЕРНОЙ МЕДИЦИНЕ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года, Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из приоритетов внешнеполитического курса государства. Быстрое развитие и рост региона как одного из центров многополярного мира, возрастание роли азиатских государств на мировой арене и их экономический потенциал являются ключевыми факторами заинтересованности России в развитии отношений со странами АТР. При этом, Россия «намерена уделять приоритетное внимание наращиванию сотрудничества в сферах экономики, безопасности, гуманитарной сфере и иных сферах с государствами региона и АСЕАН»^[4].

Стремительный экономический и демографический рост региона обуславливает заинтересованность государств в повышении качества и продолжительности жизни населения, в частности с помощью развития систем здравоохранения. С увеличением средней продолжительности жизни населения наблюдается параллельное

увеличение смертности от неинфекционных заболеваний, в первую очередь от сердечно-сосудистых патологий и злокачественных новообразований. Решение данной проблемы неразрывно связано с современными технологиями, дающими инструменты для своевременной диагностики и лечения заболеваний.

Ядерная медицина — одна из передовых областей науки на стыке энергетики и здравоохранения. Достижения «мирного атома» и исследования в области борьбы с онкологическими заболеваниями позволили создать радиофармпрепараты, синтезируемые из изотопов, а также ядерные медицинские комплексы и инновационные методы лечения с помощью атомных технологий. Данные технологии востребованы в развивающихся азиатских государствах, где рост числа онкологических заболеваний создает потребность в эффективных и современных методиках лечения. Ожидается, что в течение периода 2024 – 2029 гг. среднегодовой темп роста рынка терапии рака в Азиатско-Тихоокеанском регионе составит 10,2 %, что делает его одним из крупных рынков ядерной медицины^[5]. Однако стоит отметить, что зарубежные компании, такие как Bayer AG, Amgen Inc, AstraZeneca, Johnson & Johnson Services, Inc., уже осуществляют деятельность по терапии рака в регионе, создавая значительную конкуренцию другим внешним игрокам, включая Россию^[6].

[1] Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — №3 (46). — С. 27-37.

[2] Емельянова Н.Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ // Международная аналитика. — 2018. — №3. — С. 7-24.

[3] Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // МГИМО МИД России: официальный сайт. — URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/238257/?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 06.02.2024).

[4] Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 06.02.2024).

[5] Анализ размера и доли рынка противораковой терапии в Азиатско-Тихоокеанском регионе – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.) // Mordor Intelligence. — URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/asia-pacific-cancer-therapies-market-industry> (дата обращения: 17.02.2025).

[6] Там же.

В соответствии с Энергетической стратегией Российской Федерации до 2050 года (утверждена Постановлением Правительства от 12.04.2025), при сохранении прогнозируемых Всемирным банком экономических показателей и с учётом потребностей увеличивающегося населения, ожидается рост энергетического рынка минимум на 20 % к 2050 году^[1]. Основными регионами роста выступают экономики АТР, Южной Америки и Африканского континента. В этом контексте энергетический рынок Азиатско-Тихоокеанского региона, включая атомный рынок, представляет стратегический интерес России.

В Российской Федерации ключевым субъектом реализации энергетической дипломатии в ядерной сфере выступает Государственная корпорация «Росатом», которая осуществляет свою деятельность в рамках согласованной межведомственной координации с Министерством иностранных дел и другими профильными государственными органами^[2]. Как отмечают исследователи, в условиях жесткой глобальной конкуренции в атомной отрасли «Росатом» служит ключевым институтом реализации внешнеполитического курса Российской Федерации в сфере энергетики, способствуя укреплению ее международных позиций через развитие высокотехнологичного сотрудничества^[3].

Ядерная медицина является неотъемлемой частью энергетической дипломатии России. Государственная корпорация «Росатом» значительно активизировала свою международную деятельность, развернув масштаб-

ные проекты в странах Африки, Южной Америки и Азии. Эта экспансия позволила компании стать важным элементом российской стратегии «мягкой силы» на глобальной арене. Через реализацию атомных энергетических проектов «Росатом» способствует преодолению внешнеполитической и экономической изоляции России, эффективно трансформируя технико-экономическое сотрудничество в действенный инструмент внешней политики государства.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе Российская Федерация в лице ГК «Росатом» реализует многочисленные проекты по ядерной медицине. Корпорация «производит и поставляет медицинские изотопы и радиофармпрепараты, создает оборудование для диагностики и терапии, разрабатывает решения для ионизирующей обработки медицинской продукции»^[4]. Основными партнерами России в АТР являются Китай, Южная Корея, Мьянма, Лаос, Камбоджа, Малайзия, Филиппины, Вьетнам, Индонезия, Сингапур и другие страны региона. Большой интерес страны этого региона проявляют к развитию ядерной медицины, и «Росатом» поддерживает партнеров в этом направлении^[5].

Корпорация сотрудничает со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, входящими в объединение БРИКС. ГК «Росатом» развивает сотрудничество в сфере использования радиоизотопов в медицинских целях и производства радиофармацевтических препаратов с Китаем, стратегическим партнером России на международной арене.

[1] Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года // Правительство России: официальный сайт. — URL: <http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10uBrrBoyLQqAAOj5eJYLA60.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

[2] Жизнин С.З., Тимохов В.М. Дипломатия в ядерной энергетике // Энергетическая политика. — 2017. — №3. — С. 90-99.

[3] Уткина М.Ф. Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации // Вестник Брянского государственного университета. — 2019. — №3 (41). — С. 74.

[4] Ядерная медицина // ГК «Росатом»: официальный сайт. — URL: <https://www.rosatom.ru/production/medicine/> (дата обращения: 07.02.2024).

[5] Фетисова Н. Наша география // Вестник атомпрома: официальный сайт. — URL: <https://atomvestnik.ru/2021/01/01/nasha-geografija/> (дата обращения: 07.02.2024).

«Росатом» поставляет в Китай радиоизотопы, радионуклиды и гамма-излучатели. 26 марта 2024 года был подписан Меморандум о взаимопонимании между АО «Росатом Технологии здоровья» (дивизион ГК «Росатом») и китайскими партнерами - China Isotope & Radiation Corporation и CNNC Medical Industry Co., Ltd. Соглашение включает разработку и производство радиофармацевтических препаратов, создание оборудования для ядерной медицины, обучение персонала для медицинских центров и радиофармацевтических предприятий, а также создание объектов медицинской инфраструктуры. Нельзя не учитывать, что обострение торгово-экономического противостояния Китая и США, которое сопровождается уходом американских компаний с китайского рынка атомной энергетики, может создать благоприятные условия для укрепления позиций российской госкорпорации в этом сегменте.

С Индией, одной из ведущих стран в БРИКС в развитии медицинской инфраструктуры, «Росатом» осуществляет торговлю изотопной продукцией с государством. В 2023 году корпорация поставила первую партию генераторов германия-68/галлия-68 (Ge-68/Ga-68) в Республику Индия^[1]. Представленные примеры взаимодействия «Росатома» с ключевыми странами БРИКС (Китаем и Индией) в сфере ядерной медицины наглядно демонстрируют, как научно-техническое сотрудничество способствует реализации целей «мягкой политики» России в регионе по трем ключевым направлениям: технологическая кооперация (совместные

проекты по производству радиофармпрепаратов и медоборудования) создает устойчивые взаимосвязи, выгодно отличаясь от коммерческих сделок; развитие инфраструктуры (строительство медицинских центров) формирует долгосрочную зависимость партнеров от российских технологий; подготовка кадров укрепляет культурно-образовательные связи и способствует распространению российских стандартов. Особую значимость это направление приобретает на фоне сокращения присутствия западных компаний, позволяя России заполнять освобождающиеся ниши, формировать альтернативные цепочки сотрудничества и укреплять свой имидж как надежного технологического партнера.

Среди стран АТР Вьетнам также является крупным партнером ГК «Росатом». Ключевым российско-вьетнамским проектом является создание Центра ядерной науки и технологий, включающего исследовательский реактор мощностью 15 МВт и комплекс лабораторий^[2]. В базовую структуру центра также входит центр ядерной медицины. «Росатом» не только строит этот центр, но и осуществляет подготовку специалистов. Кроме того, Россия предоставляет образовательные возможности для вьетнамских граждан по направлениям ядерной энергетики и радиационной медицины, что является важной составляющей «мягкой силы». Летом 2024 года был подписан межведомственный меморандум, который содержит график мероприятий по развитию проекта на период

[1] Росатом увеличит объем поставок российской изотопной продукции в Индию // ГК «Росатом»: официальный сайт. — URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-uvelichit-obem-postavok-rossiyskoy-izotopnoy-produktsii-v-indiyu/> (дата обращения: 07.02.2024).

[2] Пяташев К.О. Проекты ГК «Росатом» со странами АТР в контексте межгосударственного сотрудничества в сфере ядерной энергетики // Скиф. — 2020. — №11 (51). — С. 266.

до 2027 года^[1]. Проекты «Росатома» в области ядерной медицины, включая сотрудничество с Вьетнамом по созданию Центра ядерной науки и технологий, демонстрируют ключевые преимущества «мягкой силы» по сравнению с подходами «жесткой силы». В отличие от «жесткой силы» (экономическое давление, санкции), сотрудничество в ядерной медицине формирует устойчивые связи за счет технологической взаимосвязанности (вьетнамские специалисты обучаются в России, используется российское оборудование), институционального взаимодействия в рамках совместных исследовательских программ, культурно-образовательного обмена (подготовка кадров). Центр ядерной медицины не только обеспечивает диагностику и лечение, но и закрепляет российские стандарты в местной системе здравоохранения, обучение вьетнамских специалистов формирует позитивное восприятие России среди научно-технического персонала государства. Развитие ядерной медицины воспринимается как вклад в улучшение качества жизни, что повышает доверие к России как к технологичному и социально ориентированному партнеру.

Таиланд также является государством-партнером ГК «Росатом» в регионе. В 2017 году Россия и Таиланд заключили соглашение о строительстве циклотронно-радиохимического комплекса, основанного на технологиях «Росатома». Компания «Русатом Хэлскеа» (дочерняя компания ГК «Росатом») в партнерстве с тайской компанией «Kinetics Corporation Ltd» осуществила строительство и ввод в эксплуатацию центра по произ-

водству радиофармпрепаратов. Российские специалисты провели обучение тайских коллег работе с оборудованием^[2]. Реализация проекта в рамках экспорта российских ядерных технологий позволила укрепить двусторонние связи государств посредством «мягкой силы» в виде гуманитарного сотрудничества.

В списке стран-партнеров «Росатома» по ядерной медицине в регионе также присутствуют Малайзия и Сингапур. В 2018 году АО «Русатом Хэлскеа» (дочернее предприятие ГК «Росатом») совместно с «Asian American Medical Group» из Сингапура подписали соглашение о порядке реализации проекта по строительству центра ядерной медицины в Малайзии. Совместными усилиями стран будет построено клиническое учреждение, специализирующееся в области онкологии. Центр сможет предоставлять медицинскую помощь как жителям Малайзии, так и Сингапура. Официальные лица «Росатома» отметили значимость проекта для российской «мягкой силы» за рубежом. Кирилл Дмитриев, генеральный директор Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), отметил: «В России эта сфера [ядерная медицина] стремительно развивается, и трансфер российских технологий за границу поддерживает это развитие». По словам Дениса Чередниченко, генерального директора АО «Русатом Хэлскеа», «подписанное соглашение является прямой демонстрацией востребованности отечественных медицинских технологий на стремительно развивающихся рынках Азиатско-Тихоокеанского региона, которые на сегодняшний день для нас

[1] Состоялось подписание межведомственного меморандума о графике реализации проекта сооружения Центра ядерной науки и технологий во Вьетнаме // ГК «Росатом»: официальный сайт. — URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/glava-rosatoma-aleksey-likhachev-v-sostave-ofitsialnoy-delegatsii-rossiyskoy-federatsii-posetil-vetn/> (дата обращения: 07.02.2024).

[2] Ядерная медицина по-королевски // Страна «Росатом» — отраслевое издание госкорпорации «Росатом»: официальный сайт. — URL: <https://strana-rosatom.ru/2017/09/11/yadernaya-medicina-po-korolevski/> (дата обращения: 08.02.2024).

являются целевыми. Реализация этого проекта создаст дополнительные конкурентные преимущества в виде еще одной референции, открывающей новые возможности на зарубежных рынках»^[1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для Российской Федерации использование «мягкой силы» стало важным элементом внешнеполитической стратегии в условиях формирования многополярного мира. Эффективность российской «мягкой силы» особенно заметна в отношениях со странами БРИКС и развивающимися государствами, где сочетание технологического потенциала и уважения к национальному суверенитету находит положительный отклик. Практическая реализация «мягкой силы» России осуществляется через систему инструментов, включающую деятельность государственных корпораций, таких как ГК «Росатом».

Российская Федерация в лице ГК «Росатом» рассматривает Азиатско-Тихоокеанский регион как приоритетное направление для развития экспорта наукоемкой продукции, что связано с прогнозируемым ростом потребления услуг ядерной медицины в регионе и высоким уровнем российских технологий в области строительства, поставки медицинского оборудования и радиоизотопов, технического обслуживания ядерных объектов и обучения персонала. Подход «Росатома» в сфере ядерной медицины обладает стратегическим преимуществом перед методами «жесткой силы», так как создает взаимовыгодные и долгосрочные связи, укрепляет не только экономическое, но и культурно-научное влияние России

в АТР. Такие проекты не просто формируют более устойчивую модель взаимодействия, выгодную для всех участников, создавая преимущество «мягкой силы» над «жесткой».

Деятельность ГК «Росатом» в странах Азиатско-Тихоокеанского региона оказывает комплексное положительное влияние на имидж России, формируя её образ как технологически развитой и ответственной державы. Реализация масштабных проектов в области ядерной медицины, включая строительство диагностических центров и поставки радиофармпрепаратов в страны региона, наглядно демонстрирует российские компетенции в высокотехнологичных отраслях. Долгосрочный характер сотрудничества, подкреплённый многолетними меморандумами и программами подготовки местных специалистов, создаёт устойчивые партнёрские связи и формирует лояльность среди политической и научной элит стран региона.

Таким образом, ядерная медицина выступает важным элементом комплексной стратегии России по укреплению позиций в АТР. Проекты ГК «Росатом» показывают, что сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере ядерной медицины является эффективным инструментом современной «мягкой силы» внешней политики России. Деятельность корпорации повышает престиж государства, укрепляет двусторонние связи со странами АТР, продвигает российскую наукоемкую продукцию на зарубежные рынки. Деятельность «Росатома» в сфере ядерной медицины эффективно сочетает коммерческие интересы с задачами мягкой силы, способствуя упрочению

[1] РФПИ, «Росатом Хэлскеа» и ААМГ (Сингапур) инвестируют в строительство центра ядерной медицины в Малайзии // Машиностроительный дивизион «Росатома»: официальный сайт. — URL: [https://aem-group.ru/mediacenter/industry/rfpi,-«rusatom-xelskea»-i-aamg-\(singapur\)-investiruyut-v-stroitelstvo-czentra-yadernoj-mediczinyi-v-malajzii.html?ysclid=m6v3plzn71490650366](https://aem-group.ru/mediacenter/industry/rfpi,-«rusatom-xelskea»-i-aamg-(singapur)-investiruyut-v-stroitelstvo-czentra-yadernoj-mediczinyi-v-malajzii.html?ysclid=m6v3plzn71490650366) (дата обращения: 09.02.2024).

стратегических позиций России в АТР. Все вышеперечисленные факторы являются составными частями той «мягкой силы», которую продвигает Российская Федерация — укрепление престижа государства не посредством распространения «власти» или

оказания давления на другие страны, а через содействие международному развитию, формирование взаимовыгодных партнерств, укрепление связей и помощь в повышении благосостояния стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — №3 (46). — С. 27-37.
2. Емельянова Н.Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ // Международная аналитика. — 2018. — №3 — С. 7-24.
3. Жизнин С.З., Тимохов В.М. Дипломатия в ядерной энергетике // Энергетическая политика. — 2017. — №3. — С. 90-99.
4. Пятышев К.О. Проекты ГК «Росатом» со странами АТР в контексте межгосударственного сотрудничества в сфере ядерной энергетики // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2020. — №11 (51). — С. 264-268.
5. Уткина М.Ф. Государственная корпорация «Росатом» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации // Вестник Брянского государственного университета. — 2019. — №3 (41). — С. 72-79.
6. Nye J. C. Soft Power // Foreign Policy. — 1990. — № 80.

REFERENCES

1. Bobylo A.M. Mirnyj atom kak instrument «myagkoj sily» Rossii za rubezhom: mif ili real'nost'? [Peaceful atom as an instrument of Russia's «soft power» abroad: myth or reality?] - Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. [Ojkumena. Regional researches]. — 2018. — №3 (46). — P. 27-37.
2. Emel'yanova N.N. «Myagkaya sila» kak koncept: kriticheskij analiz [«Soft Power» as a concept: a critical analysis]. - Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics]. — 2018. — №3 — P. 7-24.
3. Pyatyshev K.O. Proekty GK «Rosatom» so stranami ATR v kontekste mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva v sfere yadernoj energetiki [The projects of the State Corporation “Rosatom” in the countries of the Asia-Pacific region in the context of interstate cooperation in the area of nuclear energy] // Skif [Skif]. — 2020. — №11 (51). — P. 264-268.
4. Utkina M.F. Gosudarstvennaya korporaciya «Rosatom» kak instrument realizacii vneshnepoliticheskoy strategii Rossijskoj Federacii [State Corporation «Rosatom» as an Instrument of Implementing Russian Foreign Policy Strategy] // Vestnik BGU [The Bryansk State University Herald]. — 2019. — №3 (41). — P. 72-79.
5. Zhiznin S.Z., Timohov V.M. Diplomatiya v yadernoj energetike [Diplomacy in Nuclear Energy] // Energeticheskaya politika [Energy Policy]. — 2017. — №3. — P. 90-99.
6. Nye J.C. Soft Power // Foreign Policy. — 1990. — № 80.

Ключевые аспекты транспортировки СПГ из российской Арктики в страны АТР

Тишина Анна Павловна

Студент факультета мировой политики

ФГАОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

РЕЗЮМЕ

Цель работы заключается в выявлении и рассмотрении ключевых современных областей инфраструктурного и технологического развития российской Арктики, продвижение которых влияет на возможности перевозки арктического СПГ конечному потребителю в АТР в условиях ограничений. Поставлены задачи охарактеризовать российские арктические запасы природного газа и выделить основные СПГ-проекты; рассмотреть причины, осложняющие производство, реализацию и доставку СПГ с российских арктических проектов; определить влияние современной международной обстановки на возможности России осуществлять экспорт арктического СПГ, охарактеризовать роль Северного морского пути (СМП) в его транспортировке в страны АТР.

Потенциал увеличения добычи российского арктического газа и реализации СПГ-проектов связан с долгосрочной перспективой выстраивания логистики экспорта газа на Восток, развитием российского флота ледового класса. Поскольку СМП становится все более привлекательным с точки зрения мировой экономики и торговли, интерес стран АТР к использованию пути растет. При этом при производстве и транспортировке СПГ необходимо учитывать не только экстремальные природно-климатические арктические условия, но и увеличение числа санкций с 2022 года, недостаточность транспортной инфраструктуры, значительную географическую протяжен-

ность маршрута СМП, сложность обеспечения круглогодичной транспортировки СПГ на рынки АТР, риски из-за переориентации рынков сбыта, капиталоемкость проектов. Тем не менее санкционная политика имеет положительные последствия для России, в частности, в вопросе импортозамещения некоторых компонентов и деталей с помощью отечественных производств, улучшения характеристик ледокольного флота и развития инфраструктуры, налаживания более эффективного сотрудничества с внерегиональными государствами.

Несмотря на санкционное давление, технологические и логистические ограничения, значение СМП как коридора для перевозки национальных и международных грузов будет возрастать. Сделан вывод о перспективности расширения взаимодействия с азиатскими странами на основе существующего партнерства в рамках транспортировки СПГ по СМП. При этом необходимо учитывать трудности, связанные с организацией круглогодичной навигации в морях восточной части акватории СМП, высокие логистические затраты на ледокольную проводку и влияние вторичных санкций. Продвижению СМП как маршрута перевозки СПГ в восточном направлении будет способствовать строительство судов различного класса, налаживание производства отечественных судостроительных компонентов, расширение портов, создание речных хабов на северных реках, внедрение дополнительных мер государственной поддержки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Арктика; АТР; Россия; СМП; СПГ-проект; транспортировка СПГ.

Для связи с автором: cassiopeia.any@mail.ru

ВЫПУСК №3(17) ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 2024

The key aspects of LNG transportation from the Russian Arctic to the Asia-Pacific region

Anna P. Tishina

*Undergraduate, School of World Politics
Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1*

ABSTRACT

The purpose of the work is to identify and consider key modern areas of the Russian Arctic infrastructural and technological development, the facilitation of which affects the possibilities of transporting Arctic LNG to the end user in the Asia-Pacific region in light of restrictions. The objectives are to characterise the Russian Arctic natural gas reserves and specify the main LNG projects; study the reasons complicating the production, sale and delivery of LNG from Russian Arctic projects; determine the impact of the current international situation on Russia's ability to export Arctic LNG; define the role of the Northern Sea Route (NSR) in its transportation to the Asia-Pacific countries.

The potential for increased Russian Arctic gas production and the implementation of LNG projects is linked to the long-term prospect of building logistics for gas exports to the East and the development of the Russian ice-class fleet. As the NSR becomes more and more attractive with regard to the world economy and trade, the interest of the Asia-Pacific countries in using the route is growing. Concurrently, when producing and transporting LNG, it is necessary to take into account not only the extreme climatic Arctic conditions, but also an increase in the number of sanctions since 2022, insufficient transport infrastructure, the significant geographical length of the NSR, the difficulty of ensuring year-

round LNG transportation to the Asia-Pacific markets, resulting risks due to the reorientation of sales markets as well as capital and resource intensity of projects. Nevertheless, the sanctions policy has positive consequences for Russia, in particular, concerning import substitution of certain components and details through domestic production, the improvement of the icebreaker fleet characteristics, infrastructure development and the establishment of more effective cooperation with non-regional states.

Despite the sanctions pressure combined with technological and logistical constraints, the importance of the NSR as a corridor for the transportation of national and international goods is likely to increase. It is concluded that the expansion of cooperation with Asian countries based on the existing partnership in the framework of LNG transportation along the NSR seems promising. At the same time, it is necessary to consider the difficulties associated with the organisation of year-round navigation in the eastern part of the NSR, the high logistical costs of icebreaker support and the impact of secondary sanctions. The NSR as an eastbound LNG transportation route is certain to advance owing to the construction of vessels of various classes, domestic shipbuilding components production, port expansion, the creation of river hubs on northern rivers and the introduction of additional government support measures.

KEYWORDS

the Arctic; the Asia-Pacific region; Russia; the Northern Sea Route (the NSR); LNG project; LNG transportation.

Contact the author via cassiopeia.any@mail.ru

Объектом в данной работе является транспортировка российского арктического сжиженного природного газа (СПГ), **предметом** — политико-экономические и технологические факторы транспортировки российского арктического СПГ на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). **Цель работы** заключается в выявлении и рассмотрении ключевых современных областей инфраструктурного и технологического развития российской Арктики, продвижение которых влияет на возможности перевозки арктического СПГ конечному потребителю в АТР в условиях ограничений. Для изучения вопроса поставлены следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать российские арктические запасы природного газа и выделить основные СПГ-проекты.
2. Определить влияние современной международной обстановки на способность России осуществлять экспорт арктического СПГ.
3. Рассмотреть трудности производства, реализации и доставки СПГ с российских арктических проектов.
4. Охарактеризовать роль Северного морского пути (СМП) в транспортировке арктического СПГ в страны АТР.

В качестве **хронологических рамок** исследования принят период с 2014 года по настоящее время, характеризующийся введением ограничительных политических и экономических мер против России со стороны отдельных стран и международных организаций. Со второй половины 2014 года в связи с позицией России по украинскому вопросу ряд государств (США, Канада, страны ЕС, Великобритания, Норвегия и др.) вводят против страны секторальные санкции, в том числе в области предоставления услуг, технологий и оборудования для глубоководной разведки арктических нефти и газа и освоения арктического шельфа, закупки

и строительства арктических танкеров СПГ, использования инфраструктуры ЕС для перевалки российского СПГ на другие суда и реэкспорта СПГ в азиатские страны.

При написании работы применены следующие **методы**: теоретические (анализ, обобщение), эмпирические (сравнение, политическое прогнозирование), системный подход. Так, в параграфе «Значение СМП для перевозки СПГ на Восток» применен сравнительный метод при оценке изменения роста грузопотока и транзита по СМП в 2014 – 2024 гг. В параграфах «Реализация СПГ в условиях санкционного давления» и «Факторы, влияющие на перевозку СПГ в АТР» обобщены связанные с проведением российских арктических проектов проблемы, вызванные санкционным давлением, и проанализировано влияние ограничений на развитие арктического энергетического и транспортного секторов России. Системный подход применен в исследовании, чтобы показать важность СМП как многофункциональной арктической транспортной магистрали, продвижение которой зависит от решения комплекса задач (технологической модернизации, диверсификации грузопотока, преодоления инфраструктурных проблем), совокупного учета климатических, экономических, технологических и геополитических рисков.

В качестве **проблемы** в статье выделено влияние политико-экономических и технологических факторов на возможности транспортировки российского арктического СПГ на азиатские рынки. **Научная новизна** представленной работы заключается в том, что в исследовании обобщены и проанализированы проводимые Россией инфраструктурные мероприятия на Крайнем Севере, реализация которых способствует развитию СМП,

преодолению технических и технологических проблем и вызовов, привлечению инвестиций, расширению международного сотрудничества. Текущая реализация этих мероприятий рассматривается с учетом влияния внешних ограничений и примеров взаимодействия с дружественными азиатскими странами в энергетической и транспортной областях.

Востребованность услуг транспортировки российского арктического СПГ в АТР объясняется как внешними факторами (например, ростом потребления СПГ в азиатских странах и в мире), так и внутренними (например, реализацией Россией политики «поворота на Восток» и наращиванием сотрудничества с Китаем и Индией). Задача **актуальна** для России, так как страна заинтересована в реализации своих существующих и разрабатываемых арктических проектов (например, «Якутский СПГ», «Мурманский СПГ») и бесперебойной транспортировке продукта. В получении прибыли и наращивании производств также заинтересованы компании газовой и судостроительной областей (например, «НОВАТЭК» и ССК «Звезда»). Транспортировка СПГ в АТР позволит реализовать потенциал российских арктических газовых компаний в условиях наложения санкций и расширить рынки сбыта СПГ, предоставит возможность перспективного наращивания грузопотока по СМП.

В рамках используемой терминологии рассмотрение ключевых аспектов транспортировки СПГ в страны АТР предполагает совокупность различных факторов, повышающих значение СМП, в том числе сосредоточение на маршруте ключевых действующих и перспективных проектов производства СПГ, например, «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ 2», строительство перегрузочного СПГ-терминала на Камчатке, располо-

жение вдоль СМП важнейших северных портов: Мурманска, Архангельска, Игарки, Дудинки, Тикси и Певека.

Некоторые вопросы в рамках выбранной темы рассмотрены рядом отечественных исследователей. Возрастающее значение СМП и развитие морской транспортировки СПГ в восточном направлении освещены, например, авторами В.С. Бородкиным и М.А. Грихно в работе «Экономическое преимущество использования СМП как главного трансарктического маршрута сбыта СПГ в страны АТР и ЕС». Интерес экспертов к проблеме с учетом наложения ограничительных мер отражен в статье М.С. Овакимян и М.К. Оганисян «Транзит российского СПГ в условиях санкций». Актуальность развития СПГ-проектов в российской Арктике подчеркивается в статьях М.В. Ульченко «Современное состояние глобального рынка сжиженного природного газа и перспективы реализации российских арктических СПГ-проектов» и «Анализ тенденций рынка СПГ и перспектив реализации российских арктических СПГ-проектов». А.Н. Стеблянская, Д. Ванг и С.В. Разманова в работе «Арктический СПГ России: новые тренды и возможности» и П.С. Андреев в статье «Преимущества и перспективы расширения экспорта сжиженного природного газа» показывают значимость азиатских рынков для России за счет роста импорта и потребления ими СПГ.

В то время как часть работ по исследуемой теме рассматривает события до 2022 года, особый интерес представляет изучение трудностей и вызовов, с которыми российские производители столкнулись в течение последних двух лет. Помимо этого, в текущем исследовании проанализированы возможности транспортировки российского арктического СПГ в страны АТР в современных условиях с учетом

влияния внешних ограничений и внутренних проблем (например, завышенные целевые показатели, установленные в российских документах стратегического планирования по развитию Арктики; необходимость создавать отечественные альтернативы западному оборудованию).

РЕСУРСЫ РОССИЙСКОГО ПРИРОДНОГО ГАЗА И АРКТИЧЕСКИЕ СПГ-ПРОЕКТЫ

Согласно Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации, Россия является одним из мировых лидеров по запасам углеводородного сырья, объемам производства и экспорта энергоресурсов^[1]. Из почти 100 млрд тонн условного топлива извлекаемых ресурсов углеводородов всего российского шельфа около 85 % сосредоточено в Арктике. Континентальный шельф Арктики может содержать около четверти всех запасов углеводородов в мире. Согласно оценкам экспертов, здесь содержится более 85,1 трлн м³ горючего природного газа, 17,3 млрд тонн нефти (включая газовый конденсат), что обеспечивает добычу более 80 % горючего природного газа и 17 % нефти (включая газовый конденсат)^[2]. Это самые высокие показатели по сравнению с другими странами арктического пояса. Наибольшая доля углеводородных ресурсов (около 70 %) приходится на моря Западной Арктики – Баренцево и Карское. Прогнозируемые запасы углеводородов в глубоководной части Северного

Ледовитого океана составляют 15 – 20 млрд тонн в переводе на условное топливо. Общая стоимость разведанных запасов минерального сырья недр Арктики составляет 1,5 – 2 трлн долларов, однако степень разведанности чрезвычайно низкая, а уровень освоения очень мал.

В российских арктических морях открыты 25 месторождений нефти и газа. К наиболее значимым из них следует отнести газоконденсатные Штокмановское, Ленинградское и Русановское, нефтегазоконденсатное Юрхаровское, газовое Каменномысское-море, крупные нефтяные Долгинское и Приразломное^[3]. Значительным потенциалом обладает Ямало-Ненецкий автономный округ, в котором содержится около 43,5 % начальных суммарных запасов углеводородов Арктики^[4]. Одновременно в последние годы привлекательной для нефтегазовых компаний становится территория Красноярского края, что создает основу для формирования и развития там нефтегазового комплекса. Перспективны четыре нефтегазоносных бассейна: Западно-Сибирский, Хатанго-Вилуйский, Южно-Таймырский и Северо-Тунгусский. Ожидается, что ресурсная база углеводородов севера Красноярского края обеспечит рост грузопотока по СМП.

Согласно исследованиям Центра энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО, общий объем производства СПГ в российской Арктике и в регионах Крайнего Севера может превысить 60 млн тонн

[1] Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Президент России: официальный сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252> (дата обращения: 19.06.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Президент России: официальный сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 19.06.2025).

[3] Энергоресурсы // Арктик-фонд: сайт. — URL: <https://arctic.narfu.ru/infologia-arktiki/geo-arktiki/energoresursy> (дата обращения: 19.06.2025).

[4] Богатства Арктики // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса: сайт. — 2023. — URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/6/1152/ (дата обращения: 19.06.2025).

к 2030 году^[1]. Несмотря на санкционное давление, технологические и логистические ограничения, сегодня Россия реализует в Арктике инновационные решения мирового уровня, продолжает наращивать производство СПГ благодаря развитию существующих и запуску новых СПГ-проектов. Ключевую ресурсную базу для газовой отрасли на арктическом континентальном шельфе составляет Южно-Тамбейское месторождение. Для развития производства и потребления СПГ целью России является создание на полуострове Ямал и Гыданском полуострове кластера по производству СПГ, терминалов и специализированных хабов по перевалке, хранению и торговле СПГ, крупнотоннажных производств СПГ, а также освоение континентального шельфа северных морей и ускоренное освоение месторождений. В числе основных компаний топливно-энергетического комплекса – ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «НОВАТЭК», реализующие свои арктические СПГ-проекты, включая «Арктик СПГ 2», «Ямал СПГ», «Обский СПГ», «Тамбей СПГ», «Таймыр СПГ», «Кара СПГ», «Печора СПГ», «Штокмановский СПГ» и другие (См. Приложение 1 таблица «Основные российские арктические СПГ-проекты»). Один из крупнейших – интегрированный проект по добыче, сжижению и реализации газа «Ямал СПГ» – продемонстрировал технологическую реализуемость строительства и эксплуатации заводов СПГ в Арктике и предложил логисти-

ческие решения по поставке СПГ по морям Северного ледовитого океана в зимний и летний период.

В регионе существует потенциал для производства мало- и среднетоннажного СПГ наряду с крупнотоннажным, что обеспечивает повышенное внимание к Арктике и усиливает интерес к реализации новых проектов. В России действуют 18 малотоннажных заводов (например, СПГ-заводы АО «Криогаз») общей установленной мощностью более 260 тыс. тонн; среди среднетоннажных производств можно выделить «Портовую» и «Криогаз-Высоцк». Как отмечают авторы аналитического исследования Центра энергетической Московской школы управления СКОЛКОВО «Среднетоннажный СПГ в России: между небом и землей», мало- и среднетоннажные СПГ-заводы могут позволить эффективнее использовать изолированные ресурсы газа и снизить удельные капитальные затраты, требуют меньше временных затрат на техническое обслуживание, запуск и остановку производства^[2]. Важно также, что среднетоннажные проекты могут выходить на рынки как крупно-, так и малотоннажного СПГ, что особенно актуально с учетом интереса стран Азии в этой области: например, индийская государственная нефтегазовая корпорация (Oil and Natural Gas Corporation Limited, ONGC) планирует строительство мини-заводов по производству сжиженного газа для потребителей, которые не могут получить газ по трубопроводам^[3].

[1] Ишмуратова М., Соболев М., Родичкин И., Мещерин И., Богданов Е. Российский мало- и среднетоннажный СПГ. Том 2. Региональная серия: Арктика / под ред. Климентьева А., Митровой Т., Капитонова С. // Центр энергетической Московской школы управления СКОЛКОВО. — 2019. — URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arc_Vol2.pdf (дата обращения: 19.06.2025).

[2] Родичкин И., Талипова А., Сун Дж., Ткаченко М., Карасевич В., Кирилкина И., Ишмуратова М. Среднетоннажный СПГ в России: между небом и землей / под ред. Климентьева А., Митровой Т., Собко А. // Центр энергетической Московской школы управления СКОЛКОВО. — 2018. — URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_MediumDutyLNG_01122018.pdf (дата обращения: 19.06.2025).

[3] Индийская ONGC задумалась о малотоннажном СПГ // Нефть и капитал: сайт. — 14.10.2024. — URL: <https://oilcapital.ru/news/2024-10-14/indiyskaya-ongc-zadumalas-o-malotonnazhnom-spg-5221033> (дата обращения: 19.06.2025).

РЕАЛИЗАЦИЯ СПГ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

С 2014 года ряд недружественных стран накладывает ограничения на российские глубоководные, арктические шельфовые и сланцевые энергетические проекты по добыче нефти, передачу определенных товаров, программного обеспечения, оборудования, технологий и данных для использования в нефтегазовом секторе России. Например, ограничения, введенные Министерством финансов США 12 июня 2024 года, коснулись СПГ-проектов «Обский СПГ», «Арктик СПГ 1», «Арктик СПГ 3», семи газовозов судоходной компании «Совкомфлот», а также возможности «НОВАТЭКа» закупать арктические танкеры СПГ, уже построенные на южнокорейской верфи Hanwha Ocean, и строить дополнительные такие суда внутри страны на ССК «Звезда». 14-ый пакет санкций ЕС запретил новые инвестиции, поставку товаров и технологий, необходимых для завершения строящихся СПГ-проектов «Арктик СПГ 2» и «Мурманск СПГ», и использование инфраструктуры ЕС для перевалки российского СПГ на другие суда и на берег. 15-й пакет ограничительных санкций включил ограничения против судоходных компаний, в том числе китайских, и запрет 7 танкерам-газовозам на заход в порты, прохождение шлюзов в странах-членах ЕС и получение услуг по морским перевозкам. Попавший под санкции танкер-газовоз Кристоф де

Маржери, одно из 15 судов ледового класса Arc7, осуществляет вывоз газа с СПГ-завода «Ямал СПГ»^[1].

Активизация деятельности России в области энергетических проектов на арктическом шельфе воспринимается США, ЕС и северными европейскими государствами негативно^[2]. Они не заинтересованы в продвижении России в Арктике, поскольку регион приобретает стратегическую значимость из-за возрастающей потребности стран АТР в энергоресурсах, что существенно расширяет для России рынки сбыта СПГ. Рост числа санкций также показывает растущее международное осознание политической и экономической значимости СМП и объясняет стремление недружественных стран ограничить деятельность России в стратегически важном регионе.

По прогнозам, именно страны АТР будут обеспечивать основной прирост глобальной торговли сжиженным газом^[3]. Устойчивый рост спроса на СПГ поддерживается прежде всего Японией и Республикой Корея, которые, как ожидается, к 2030 году увеличат потребление СПГ на 40 %^[4]. Потребности в СПГ стран Юго-Восточной Азии к 2030 году вырастут в восемь раз^[5], чему будут способствовать и опережающий рост экономики в этих регионах и общемировая экологическая повестка, стимулирующая переход на газ. Доля стран АТР в экспорте российских энергетических ресурсов в 2023 году выросла в 1,5 раза – с 39 до 60 %.

[1] Алифорова Е. де Маржери К. и др. 15-й пакет санкций ЕС вступил в силу // Neftegaz.RU: сайт. — 2024. — URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/871507-kristof-de-marzheri-i-drugie-15-y-paket-sanktsiy-es-vstupil-v-silu/> (дата обращения: 19.06.2025).

[2] Вяхирева Н.С. США в Арктике против рисков от России и надвигающегося Китая / Н.С. Вяхирева // РСМД: сайт. — 2024. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-v-arktike-protiv-riskov-ot-rossii-i-nadvigayushchegosya-kitaya/> (дата обращения: 19.06.2025).

[3] Бородин В.С., Грихно М.А. Экономическое преимущество использования СМП как главного трансарктического маршрута сбыта СПГ в страны АТР и ЕС / В.С. Бородин, М.А. Грихно // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 6 (108). — С. 10.

[4] На мировом рынке будет лидировать СПГ // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса: сайт. — 2016. — URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2016/5/161/ (дата обращения 19.06.2025).

[5] Там же.

По итогам 2023 года, на долю Китая пришлось 50 % всего экспорта российской нефти и нефтепродуктов, а доля поставок в Индию увеличилась до 40 %. Согласно высказыванию министра энергетики Российской Федерации Александра Новака в статье «Окно возможностей для России», в Китае рост потребления в период с 2016 по 2035 годы составит 213 % – со 178 до 558 млрд м³, в Индии – 169 %, с 48,5 до 130 млрд м³^[1]. Для удаленных стран-импортеров СПГ в АТР транспортировка природного газа в сжиженном состоянии с месторождений российского арктического шельфа является наиболее перспективным вариантом^[2]. Как подчеркивает в своей статье «Морская транспортировка газа с арктических месторождений. Перспективы развития» Ю.А. Харченко, несмотря на возможность прокладки трубопроводов в Индию и Японию как крупные центры потребления газа, для этих стран морская транспортировка газа остается безальтернативной.

На фоне антироссийских санкций сотрудничество со странами Восточной и Юго-Восточной Азии продолжается^[3]. Как отмечает Бхагват Джавахар в своей статье «Россия и Индия в Арктике: необходимость большей синергии», Индия заинтересована в энергетическом сотрудничестве для использо-

вания арктических энергоресурсов и построении «энергетического моста» с Россией^[4]. Совокупные инвестиции Индии в нефтегазовые проекты в России превышают 15 миллиардов долларов^[5]. Россия и Индия также рассматривают возможность создания трансарктической контейнерной линии и строительства перерабатывающих мощностей рядом с СМП. В 2024 году страны подтвердили готовность создать совместный рабочий орган в рамках межправительственной комиссии для взаимодействия с использованием СМП и заключили соглашение об активизации сотрудничества на Дальнем Востоке и в Арктике на период 2024 – 2029 гг. Китай, в свою очередь, позволил заполнить технический и логистический пробел после выхода западных компаний из проекта «Арктик СПГ 2», например, в части поставок недостающих турбин для 1-й линии проекта китайской компанией Harbin Guanghai Gas Turbine^[6]. Страна также предоставила технологические модули для производства СПГ, танкеры ледового класса и финансирование в рамках проекта «Ямал СПГ», компенсировав дефицит западных инвестиций^[7].

При этом, несмотря на разновекторное сотрудничество с азиатскими партнерами, санкции осложняют

[1] Новак А.В. Окно возможностей для России / А.В. Новак // Нефтегазовая вертикаль. – 2018. – №1. – С. 21. – URL: https://minenergo.gov.ru/upload/iblock/00b/7xpcq5w4jzkbvqpmkv2xuugt4i1q2kzx/neft_vert_no1_2018_webobl.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

[2] Харченко Ю.А., Карнаухов И.Ю. Морская транспортировка газа с арктических месторождений. Перспективы развития / Ю.А. Харченко, И.Ю. Карнаухов // Neftegaz.RU: сайт. – 2023. – № 2. – URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/transportirovka/770135-morskaya-transportirovka-gaza-s-arkticheskikh-mestorozhdeniy-perspektivy-razvitiya-kharchenko-yu-a/> (дата обращения: 25.11.2024).

[3] Северный морской путь – это глобальный логистический маршрут и вклад России в мировую логистику // Восточный экономический форум: сайт. – 2024. – URL: <https://forumvostok.ru/news/severnyj-morskoj-put-eto-globalnyj-logisticheskij-marshrut-i-vklad-rossii-v-mirovuyu-logistiku/> (дата обращения: 19.06.2025).

[4] Бхагват Д. Россия и Индия в Арктике: необходимость большей синергии // Арктика и Север: сайт. – 2020. – № 38. – С. 73–90. – URL: https://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/162/73_90.pdf (дата обращения 19.06.2025).

[5] Визит Хардипа Сингха Пури во Владивосток укрепил энергетические отношения РФ и Индии // TV BRICS. – 2021. – URL: <https://tvbrics.com/news/vizit-khardipa-singha-puri-vo-vladivostok-ukrepil-energeticheskie-otnosheniya-rf-i-indii/> (дата обращения: 19.06.2025).

[6] Китай помог. На Западе считают, что Россия преодолела санкции против Арктик СПГ 2 // Neftegaz.RU. – 2024. – URL: <https://neftegaz.ru/news/spg-szhizhennyu-prirodnyy-gaz/820044-kitay-pomog-na-zapade-schitayut-cto-rossiya-preodolela-sanktsii-v-protiv-arktiki-spg-2/> (дата обращения: 19.06.2025).

[7] Афанасьев С.Н., Фадеев А.М. Российско-китайское технологическое партнерство в Арктике на примере проекта «Ямал СПГ» / С.Н. Афанасьев, А.М. Фадеев // Арктика и инновации. – 2025. – № 1, Т. 3. – С. 33–41.

транспортировку арктического СПГ в АТР. Так, после введения в ноябре 2023 года американских ограничений все акционеры «Арктик СПГ 2», включая китайские CNPC и SINOOC, объявили форс-мажор и свернули свое участие в проекте, отказавшись от обязанностей по его финансированию и выполнению offtake-контрактов на СПГ. Введенный запрет на перегрузку российского СПГ в портах Европы с судов ледового класса на обыкновенные газовозы при отправке сырья в Китай и Индию западным маршрутом вынуждает применять вариант перегрузки СПГ «борт в борт», требующий соответствующего оборудования и учета погодных и морских условий.

ЗНАЧЕНИЕ СМП ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ СПГ НА ВОСТОК

СМП — морской транспортный коридор, связывающий все российские арктические нефтегазовые проекты и соединяющий европейскую часть России с Дальним Востоком. Этот маршрут является кратчайшим между Западом и Востоком: расстояние от Мурманска до портов Японии составляет около 6 тыс. миль (примерно 18 дней), в то время как через Суэцкий канал — более 12 тыс. миль (37 дней). СМП рассматривается Россией как единый транспортный маршрут, находящийся под ее суверенитетом^[1]. Он безальтернативен для доставки добытых энергоресурсов и произведенной продукции конечному потребителю, в особенности на растущий рынок стран АТР, и исключает возможность внешнего давления за счет сохранения стату-

са национальной транспортной коммуникации, что делает магистраль надежной для выстраивания торгово-логистических связей с другими странами.

СМП может использоваться для перевозки широкой номенклатуры грузов. На СПГ и нефть приходится около 75 % грузопотока; газоконденсат, нефтепродукты, уголь и железорудный концентрат составляют около 9 %; остальные 16 % приходятся на прочие генеральные грузы и контейнеры. Поскольку по СМП перевозятся как национальные, так и международные грузы, трансформация маршрута в глобальную транспортную систему позволит увеличить транспортные мощности и экспортный потенциал российской продукции, повысить скорость и эффективность поставок, способствовать росту инвестиций в производственные мощности СПГ. Например, в ходе Восточного экономического форума в 2024 году между Российским фондом прямых инвестиций и «Газпром СПГ технологии» была достигнута договоренность об инвестициях в проекты мало- и среднетоннажного производства СПГ, создание новых систем технологического управления для замещения иностранных аналогов, развитие речной и морской портовой инфраструктуры.

СМП демонстрирует рост грузопотока. Если в 2014 году объем перевозок по СМП составлял лишь 4 млн тонн, то уже в 2018 году он превысил 20 млн тонн^[2]. По итогам 2023 года перевезено 36,25 млн тонн грузов, в том числе 2,12 млн тонн транзита^[3]. По сравнению с 2022 годом в 2023 году грузопоток по

[1] Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть I / П.А. Гудев // Арктика и Север. — 2020. — № 40. — С. 142–164.

[2] Григорьев М. Грузы для Севморпути / М. Григорьев // PortNews: сайт. — 2024. — URL: <https://portnews.ru/magazine/portnews/a485/> (дата обращения: 10.01.2025).

[3] Быстрова Д. Объем грузоперевозок по Севморпути составил 36,254 млн т в 2023 году / Д. Быстрова // Страна Росатом. — 15.01.2024. — URL: <https://strana-rosatom.ru/2024/01/15/obem-gruzoperevozok-po-sevmorputi-s/> (дата обращения: 25.11.2024).

СМП увеличился на 2,2 млн тонн. В 2024 году был поставлен новый рекорд: грузопоток превысил 37,9 млн тонн, совершено 92 транзитных рейса^[1]. Основной вклад в рост грузопотока внесли транзитные перевозки по акватории СМП и транспортировка основания гравитационного типа первой очереди завода «Арктик СПГ 2». Тем не менее, несмотря на рост грузопотока и соответствие целевому показателю в «Паспорте федерального проекта «Развитие Северного морского пути» Министерства транспорта Российской Федерации^[2], объем в 2023 году был на 10,5 млн тонн меньше прогнозируемого в приложении к Плану развития Северного морского пути на период до 2035 года (46,82 млн тонн). К 2030 году поставлена задача увеличить грузопоток до 150 млн тонн в год, к 2035 году – до 220 млн тонн. При этом необходимо учитывать значительное отклонение показателей 2024 года от заявленных в Плане развития СМП до 2035 года: по данным ГК «Росатом» в 2024 году грузопоток по СМП составил 37,9 млн тонн, притом, что в документе установлен целевой показатель 80 млн тонн, то есть разница составила более чем 50 %.

Несмотря на санкционные ограничения, интерес к СМП со стороны крупных игроков международной логистики высок^[3]: в 2023 году ГК «Росатом» и крупнейший мировой портовый оператор из ОАЭ DP World создали ООО «Международная контейнерная логистика»; в 2023 году китайской судоходной компанией NewNew

Shipping Line выполнено 8 рейсов контейнеровозами между основными портами Китая и России, в 2024 году в Китай по СМП прошли 14 рейсов. По словам министра по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексея Чекункова, арктическая трасса – это «единственная альтернатива для связи Китая с мировым океаном в случае обострения ситуации в Южно-Китайском море»^[4]. Кроме того, согласно заявлению Владимира Панова, специального представителя по вопросам развития Арктики ГК «Росатом», сделанному в ходе Петербургского международного экономического форума 2025, к настоящему моменту выдано на 10 % больше разрешений для прохода по СМП, чем за 2024 год; количество разрешений достигло 280^[5].

Экономическое и политическое значение СМП также поднимает вопрос о принадлежности СМП среди других арктических государств: в частности, США выдвигали инициативу по интернационализации СМП, что противоречит интересам безопасности России в связи с расположением в Арктике военных баз и месторождений стратегического минерального сырья. В своей работе «"Горячее" будущее для холодного региона?» Болдырева С.Ю. пишет, что помимо США в открытии свободного плавания по СМП заинтересованы европейские государства, а также Республика Корея, Китай, Индия и Япония, поскольку отмечают присущую этому коридору безопасность, в отличие от ряда южных

[1] Грузопоток превысил 37,9 млн тонн, совершено 92 транзитных рейса, перевезено более 3 млн транзитных грузов // Морские вести России: сайт. – 2024. – URL: <https://morvesti.ru/news/1679/113434/> (дата обращения: 10.01.2025).

[2] Паспорт федерального проекта «Развитие Северного морского пути» // Министерство транспорта Российской Федерации: официальный сайт. – 2023. – URL: <https://www.mintrans.gov.ru/file/495339> (дата обращения: 10.01.2025).

[3] Северный морской путь – это глобальный логистический маршрут и вклад России в мировую логистику // Восточный экономический форум: официальный сайт. – 2024. – URL: <https://forumvostok.ru/news/severnyj-morskoj-put-eto-globalnyj-logisticheskij-marshrut-i-vklad-rossii-v-mirovuyu-logistiku/> (дата обращения: 19.06.2025).

[4] Единый морской оператор северного завоза начнет работу с 2026 года – глава Минвостокразвития // Морские вести России: сайт. – 2024. – URL: <https://morvesti.ru/news/1679/107206/> (дата обращения: 19.06.2025).

[5] Росатом: число разрешений на плавание по СМП уже превысило показатель 2024 года // ТАСС: сайт. – 2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/24257563> (дата обращения: 19.06.2025).

маршрутов (например, через Южно-Китайское море и Суэцкий канал)^[1].

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПЕРЕВОЗКУ СПГ В АТР

Производство и транспортировка СПГ в российской Арктике связаны с преодолением ряда вызовов, включающих значительную географическую и временную протяженность маршрута по СМП и сложность обеспечения круглогодичной транспортировки СПГ на рынки АТР, в особенности в восточных морях акватории СМП. Это вызвано такими причинами, как удаленность арктических газовых месторождений от конечного потребителя; ограниченный период навигации (июль-ноябрь) и возможность провоза в пограничные месяцы сезона в восточной части СМП только при сопровождении танкеров судами усиленного ледового класса Arc7. Тяжелые природные условия затрудняют навигацию и увеличивают продолжительность рейса: например, в ноябре 2021 году из-за неблагоприятной ледовой обстановки в акватории СМП застряли 24 судна. Вследствие ограниченного периода навигации в осенне-зимний период возникают дополнительные затраты на услуги ледокольной проводки и страхование грузов.

Одновременно с этим, несмотря на более короткое расстояние пути по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал, невозможно значительно уменьшить стоимость перевозок по СМП. Например, в 2021 году стоимость доставки по СМП превышала стоимость транспортировки через Суэцкий канал

примерно в три раза^[2]. Кроме того, в связи с плановым выбытием действующих ледокольных судов и переносом сроков ввода в эксплуатацию новых ледоколов, в том числе из-за технологических санкций, существует риск нехватки ледокольных мощностей в 2030 году. Рассматривая потенциальную возможность привлечения к перевозкам флота дружественных стран, например, Китая и Индии, необходимо принять во внимание, что использование иностранных мощностей может подкрепить стремление третьих стран к установлению режима международного регулирования СМП и создать ситуацию технологической зависимости, что противоречит российским интересам.

Необходимо также учитывать риски подпадания азиатских потребителей под вторичные санкции. Так, в связи с введением США очередных ограничений 10 января 2025 года, в санкционных списках оказались свыше 180 кораблей, перевозивших российскую нефть и СПГ. Несмотря на то, что по итогам 2024 года 36 % нефтяного импорта Индии и 20 % китайского импорта пришлось на Россию, многие покупатели и порты Китая и Индии отказались принимать суда, опасаясь вторичных санкций^[3].

В связи с тем, что южнокорейская судостроительная компания Samsung Heavy Industries прекратила производство оборудования для 10 из 15 газовозов арктического класса, которые заказала ССК «Звезда» для транспортировки сжиженного метана с завода «Арктик СПГ 2», усложнился налаженный процесс сборки газовозов на российском предприятии из готовых

[1] Болдырева С.Ю. «Горячее» будущее для холодного региона? // Россия в глобальной политике: сайт. — 2024. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/goryachee-budushhee-boldyreva/> (дата обращения: 19.06.2025).

[2] Leganger-Bronder P. Russia's Northern Sea Route push is met with scepticism // Arctic Today: site. — 2021. — URL: <https://www.arctictoday.com/russias-northern-sea-route-push-is-met-with-scepticism/> (дата обращения: 19.06.2025).

[3] Овчинникова Ю. Reuters узнал о приостановке закупок российской нефти Китаем и Индией // РБК: сайт. — 2025. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2025/67987f589a7947759b784dc0> (дата обращения: 19.06.2025).

южнокорейских блоков. Кроме того, вследствие загруженности российских судоверфей и необходимости создать 15 газовозов на ССК «Звезда», увеличилось время строительства. Для обеспечения растущего грузопотока с ключевых проектов, реализуемых в акватории СМП, в ближайшие 5 лет потребуется 160 судов^[1]. К 2030 году количество требуемых танкеров для перевозки СПГ и газоконденсата по СМП составит 39, притом, что в 2023 году этот флот состоял из 17 судов^[2]. При этом, согласно национальному проекту «Эффективная транспортная система», в 2024 году для организации грузоперевозок по СМП требовалось 57 судов, из которых в наличии было 47 %^[3].

Львова А. и Азурманов И. в статье «Большой Северный морской путь стал трансарктическим» выделяют дополнительный фактор — малые глубины на традиционных маршрутах движения ледоколов, препятствующие прохождению крупнотоннажных судов^[4]. Это требует прокладки глубоководных и широких путей севернее Новосибирских островов, установки навигационных систем, усиления мониторинга ледовой обстановки для своевременного получения гидрометеорологических данных и строительства атомных ледоколов проекта 10510 «Лидер». Однако ввод в эксплуатацию головного ледокола «Россия» запланирован только на 2027 год.

МЕРЫ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ТРАНСПОРТИРОВКИ СПГ В АТР

Для повышения потенциала морских перевозок СПГ в восточном направлении необходим ряд мероприятий. Одна из центральных задач — обеспечение технологического суверенитета в судостроительной области и достаточного количества газовозов, судов аварийно-спасательного флота, судов смешанного плавания, гидрографического флота ледового класса Arc7 и неатомных ледоколов класса Icebreaker 8-9. Несмотря на то, что Россия обладает грузовым флотом ледового класса от Arc4 до Arc9 в составе 70 судов, 16 судов находятся в процессе строительства, текущий дефицит судов оценивается в 53 %, а к 2030 году при увеличении грузопотока он может вырасти до 55 %^[5]. При этом важно, что сейчас крупнотоннажные транспортные суда реализуются только на ССК «Звезда» ввиду загруженности других верфей государственными оборонными заказами. Тем не менее ожидается завершение строительства 5 из 15 газовозов для использования в проекте «Арктик СПГ 2»; суда готовы на 90 %^[6]. В акватории СМП эксплуатируются четыре атомных ледокола проекта 22220: «Арктика», «Сибирь», «Урал» и «Якутия», — ведется строительство еще двух — «Ленинград» и «Чукотка». Согласно поручению Президента Российской Федерации

[1] Вильде Т. Севморпуть: Ледовый шелковый путь / Т. Вильде // PortNews: сайт. — URL: <https://portnews.ru/projects/project55/> (дата обращения 19.06.2025).

[2] Танкеры ледового класса для Севморпути // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса: сайт. — 2025. — URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2024/12/1329/ (дата обращения: 19.06.2025).

[3] Скорлыгина Н. Суда показали крепкую нехватку // Коммерсантъ: сайт. — 2024. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6794187> (дата обращения: 19.06.2025).

[4] Львова А., Азурманов И. Большой Северный морской путь стал трансарктическим / А. Львова, И. Азурманов // Эксперт: сайт. — 2025. — URL: <https://expert.ru/ekonomika/bolshoy-severnuy-morskoy-put-stal-transarkticheskim/> (дата обращения: 19.06.2025).

[5] Дефицит флота для СМП может вырасти до 55% к 2030 году // EastRussia: сайт. — 2024. — URL: <https://www.eastrussia.ru/news/defitsit-flota-dlya-smp-mozhet-vyrasti-do-55-k-2030-godu/?ysclid=majjqapaf9784304595> (дата обращения: 19.06.2025).

[6] Первая пятерка газовозов для проекта «Арктик СПГ-2» имеет степень готовности около 90% // PortNews: сайт. — 2024. — URL: <https://portnews.ru/news/371507/> (дата обращения: 10.01.2025).

В.В. Путина по итогам рабочей поездки в Мурманск 27 марта 2025 года, требуется «обеспечить формирование необходимого ледокольного флота на период до 2035 года и на перспективу до 2050 года», определить источники финансирования и не позднее 2026 года принять решение о начале строительства седьмого и восьмого атомных ледоколов серии 22220^[1].

СМП имеет потенциал включения в мультимодальную транспортную сеть благодаря соединению с железнодорожными, речными и морскими маршрутами. Поскольку одной из современных проблем является недостаток информации о грузах и маршрутах их перемещения по сибирским рекам, интеграция СМП с речными портами позволила бы разгрузить Восточный полигон и обеспечить водную транспортную связанность России и Китая. В связи с этим в настоящее время прорабатывается вопрос создания шести мультимодальных логистических центров с целью связать авто-, железнодорожный, речной и морской транспорт^[2].

Санкционная политика имеет и положительные последствия для России, в частности, в вопросе развития импортозамещения. Например, «НОВАТЭК» использует свою запатентованную технологию сжижения «Арктический каскад» при реализации проекта «Ямал СПГ»^[3], а в проекте «Мурманский СПГ» будет использовать электрический привод вместо

газотурбинного, чтобы исключить зависимость от западных поставок этого оборудования. Налаживание отечественных производств некоторых компонентов и деталей, включая мембранное покрытие, криогенные системы, турбины и хладостойкие материалы, играет существенную роль, особенно на фоне приостановки поставок французской компании Gaztransport & Technigaz (GTT) в начале 2023 года^[4].

Большое внимание уделяется развитию транспортной инфраструктуры: ключевым для СПГ и потенциальных газохимических проектов «НОВАТЭК» на полуострове Ямал и Гыданском полуострове является порт Сабетта, через который можно осуществлять экспорт добытых углеводородов и произведенного СПГ на восток. Здесь расположены действующие терминалы проектов «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ 2», планируются к постройке терминалы проектов «Обский ГХК» и «Арктик СПГ 1», для чего намечено расширение порта^[5].

Шагами для преодоления санкционного давления могут стать предоставление преференций для резидентов Арктической зоны: механизмы государственной поддержки предпринимательской и инвестиционной работы, специальные режимы налогового и административного регулирования^[6]. Например, в 2013 году были введены исключения по федеральным и региональным налогам, согласно Федеральному закону

[1] Перечень поручений по итогам рабочей поездки в Мурманск // Президент России: официальный сайт. — URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76942> (дата обращения: 19.06.2025).

[2] Большим кораблям – Большой СМП: основные направления развития перевозок по Севморпути // Страна Росатом: сайт. — 2024. — URL: <https://strana-rosatom.ru/2024/10/28/bolshim-korablyam-bolshoj-smp-o/> (дата обращения: 19.06.2025).

[3] «НОВАТЭК» усовершенствовал СПГ-технологию «Арктический каскад» // НОВАТЭК: официальный сайт. — 2023. — URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=5669 (дата обращения: 19.06.2025).

[4] Сидоров А. Морской флот для России: строим сами? // Морские вести России: сайт. — 2024. — №9. — URL: <https://morvesti.ru/analitika/1692/110743/> (дата обращения: 10.01.2025).

[5] Паршинова П. Правительство РФ расширило территорию морского порта Сабетта на Ямале // Neftegaz.RU: сайт. — 2024. — URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/835708-pravitelstvo-rf-rasshirilo-territoriyu-morskogo-porta-sabetta-na-yanao/> (дата обращения: 19.06.2025).

[6] Арктическая зона Российской Федерации // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики: официальный сайт. — URL: <https://erdc.ru/about-azrf/> (дата обращения: 19.06.2025).

«Об экспорте газа» для некоторых месторождений^[1], а в 2023 году изменения, внесенные в этот закон^[2], позволили существенно упростить поставки СПГ для «Роснефти» и «НОВАТЭК». К 2030 году планируется увеличить производство СПГ до 102,5 млн тонн (из них до 64 млн тонн в Арктике), к 2035 году — до 140 млн тонн^[3].

Задачу снижения транспортных издержек также решает создание терминала СПГ на Камчатке. Плавающие терминалы СПГ могут выступать не только в качестве объектов для перевалки СПГ с газовозов ледового класса, но и как накопителей для снабжения потребителей СПГ. Исследователи Центра энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО полагают, что географическое положение терминала СПГ на Камчатке позволяет рассчитывать, что со временем он может стать газовым хабом регионального уровня^[4].

Также необходима реализация проектов по развитию опорной сети внутренних водных путей, подходов к морским портам Северо-Западного бассейна, расширение инфраструктуры, что обеспечит эффективную территориальную связанность Дальнего Востока и западных регионов России и круглогодичную навигацию по СМП. Сейчас реализуются совместные проекты Федерального агентства морского и речного транспорта и ГК «Росатом» по созданию речных хабов на северных реках Обь, Иртыш, Лена и Енисей для

полного их задействования в грузоперевозках. По мнению экспертов, данная мера позволит увеличить грузопоток на СМП на 5,5 – 6 млн тонн к 2030 году, почти на 17 % выше, чем в 2023 году^[5].

Помимо этого, необходима комплексная реализация мероприятий Плана развития СМП в области береговой и портовой инфраструктуры, ледокольного и вспомогательного флотов, систем аварийно-спасательного обеспечения и мониторинга ледовой обстановки^[6], терминалов по перевалке СПГ на конвенционные танкеры для снижения стоимости доставки.

ВЫВОДЫ

Вследствие достижения рекордного объема грузопотока по СМП в 2024 году и увеличения количества выданных разрешений на проход по маршруту можно предположить о росте интереса грузоотправителей к использованию морского пути. Несмотря на санкционное давление и отставание в выполнении показателей грузопотока, установленных Планом развития СМП, маршрут имеет потенциал наращивания перевозок СПГ на Восток благодаря проводимым мероприятиям по замещению западного оборудования, технологий и программного обеспечения, отечественному строительству танкеров и ледоколов арктического класса, расширению портовой

[1] Федеральный закон от 18.07.2006 № 117-ФЗ «Об экспорте газа» // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61577/8696c810b696bb1feabdae23949a7b99c98f7dff/ (дата обращения: 19.06.2025).

[2] Федеральный закон от 02.11.2023 № 514-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 3 Федерального закона «Об экспорте газа» // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2023. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020004?index=1> (дата обращения: 19.06.2025).

[3] Путин подписал законы о либерализации экспорта СПГ // РБК: сайт. — 2023. — URL: <https://www.rbc.ru/business/02/11/2023/65438a079a79477c413cb434> (дата обращения: 19.06.2025).

[4] Ишмуратова М., Соболев М., Родичкин И., Мещерин И., Богданов Е. Российский мало- и среднетоннажный СПГ. Том 2. Региональная серия: Арктика / под ред. Климентьева А., Митровой Т., Капитонова С. // Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО. — 2019. — URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arc_Vol2.pdf (дата обращения: 19.06.2025).

[5] Эксперты рассказали о возможном увеличении грузопотока на СМП к 2030 году // ТАСС: сайт. — 2024. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/21773723> (дата обращения: 10.01.2025).

[6] Журавель В.П. Проблема освоения Арктики в условиях санкционного давления на Россию / В.П. Журавель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2022. — № 2. — С. 32-40.

инфраструктуры СПГ-проектов, обеспечению связанности речных и морских путей.

В связи с высокой потребностью стран АТР в энергоресурсах азиатский рынок будет способствовать дальнейшему росту интереса к арктическим углеводородным ресурсам, что позволит продолжить финансирование ключевых российских СПГ-проектов и обеспечить транспортировку продукта конечному потребителю в АТР. Необходимо уделить большое внимание развитию мультимодальной транспортной инфраструктуры, созданию речных хабов на северных реках и совершенствованию нормативно-правовой базы, особенно в части статуса СМП. При этом важно учитывать трудности, связанные с организацией круглогодичной навигации в морях восточной части акватории СМП, и высокие логистические затраты на ледокольную проводку. Укрепление энергетического сотрудничества со странами Азии по поставкам арктического СПГ напрямую зависит от способности России преодолеть санкционные ограничения, при этом международное взаимодействие с

Китаем и Индией можно считать перспективным на основе имеющихся соглашений и совместного участия в арктических проектах. Недостаточный уровень развития отечественных технологий для Арктики и нехватка судов различного типа создадут риски для навигации в восточной части СМП и могут повлиять на объемы добычи природного газа на российских арктических проектах и его перевозку.

Цель и исследовательские задачи, поставленные в работе, решены: определены области инфраструктурного и технологического развития российской Арктики, охарактеризованы запасы природного газа на российских арктических месторождениях и выделены ключевые СПГ-проекты, охарактеризовано влияние ограничений и их последствий на возможности России транспортировать арктический СПГ, рассмотрены внутренние факторы, затрудняющие реализацию СПГ-проектов и доставку продукта на рынки АТР, дана характеристика СМП как маршрута, связывающего российские арктические СПГ-проекты и конечного потребителя в странах Азии.

Приложение 1
Таблица «Основные российские арктические СПГ-проекты»

Проект	Компания	Мощность, млн т	Год запуска	Статус	Наименование месторождения	Месторасположение
Ямал СПГ	«НОВАТЭК»	16,5	2017-2018	Действующий	Южно-Тамбейское	п-ов Ямал
«Харасавэй-Бованенково»	Газпром-нефть-Заполярье	1,8 трлн м ³ газа и 222 млн тонн конденсата (запасы)	Месторождения открыты в 1971 и 1974 гг., соответственно	Действующий	Бованенковское и Харасавэйское	п-ов Ямал
Арктик СПГ-2	«НОВАТЭК»	10,8	2023-2025	Действующий / Строящийся	Утреннее	п-ов Гыдан в Ямало-Ненецком АО
Обский СПГ	«НОВАТЭК»	4,8-5	2024-2025	Выход на инвестиционное решение	Верхнетиутейское и Западно-Сеяхинское	Ямало-Ненецкий АО
Арктик СПГ-1	«НОВАТЭК»	19,8	После 2027	Действующий / Строящийся	Солетско-Ханавейское, Трехбугорное и Геофизическое	п-ов Гыдан в Ямало-Ненецком АО
Арктик СПГ-3	«НОВАТЭК»	19,8	После 2027	Потенциальный	Северо-Обское, Штормовое и Гыданское	Ямало-Ненецкий АО
Тамбейское нефтегазо-конденсатное месторождение	Газпром и РусГаз-Добыча	5,2 трлн т (запасы)	2026	Потенциальный	Западно-Тамбейское, Северо-Тамбейское, Тасийское	п-ов Ямал
Таймыр СПГ	Роснефть	35-50	2030-2035	Потенциальный	Ресурсы севера Красноярского края и Ямало-Ненецкого округа	п-ов Таймыр Красноярского края
Кара СПГ	Роснефть	30	2030-2035	Потенциальный	Ресурсы газа Карского моря	о-в Новая Земля
Штокмановский СПГ	Роснефть	30	2035	Потенциальный	Штокмановское	Баренцево море
Печора СПГ	Роснефть	4,3	После 2035	Потенциальный	Кумжинское и Коровинское	Ненецкий АО, Печорская губа, дельта р. Печора

Источник: составлено автором на основе открытых данных

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев П.С. Преимущества и перспективы расширения экспорта сжиженного природного газа / П.С. Андреев // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2015. — № 2., Т. 17. — С. 47-55.
2. Афанасьев С.Н., Фадеев А.М. Российско-китайское технологическое партнерство в Арктике на примере проекта «Ямал СПГ» / С.Н. Афанасьев, А.М. Фадеев // Арктика и инновации. — 2025. — № 1, Т. 3. — С. 33-41.
3. Бородкин В.С., Грихно М.А. Экономическое преимущество использования СМП как главного трансарктического маршрута сбыта СПГ в страны АТР и ЕС / В.С. Бородкин, М.А. Грихно // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 6 (108). — С. 7-12.
4. Бхагват Д. Россия и Индия в Арктике: необходимость большей синергии // Арктика и Север. — 2020. — № 38. — С. 73-90.
5. Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть I / П.А. Гудев // Арктика и Север. — 2020. — № 40. — С. 142-164.
6. Журавель В.П. Проблема освоения Арктики в условиях санкционного давления на Россию / В.П. Журавель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2022. — № 2. — С. 32-40.
7. Ишмуратова М., Соболев М., Родичкин И., Мещерин И., Богданов Е. Российский мало- и среднетоннажный СПГ. Том 2. Региональная серия: Арктика / под ред. Климентьева А., Митровой Т., Капитонова С. // Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО. — 2019. — URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arc_Vol2.pdf (дата обращения: 19.06.2025).
8. Овакимян М.С., Оганисян М.К. Транзит российского СПГ в условиях санкций / М.С. Овакимян, М.К. Оганисян // Горизонты экономики. — 2024. — № 5 (85). — С. 183-191.
9. Родичкин И., Талипова А., Сун Дж., Ткаченко М., Карасевич В., Кирилкина И., Ишмуратова М. Среднетоннажный СПГ в России: между небом и землей. Под ред. Климентьева А., Митровой Т., Собко А. // Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО. — 2018. — URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_MediumDutyLNG_01122018.pdf (дата обращения: 19.06.2025).
10. Российский мало- и среднетоннажный СПГ. Региональная серия: Арктика. Т. 2 / под ред. А. Климентьева, Т. Митровой, С. Капитонова / Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО. — 2019. — URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arc_Vol2.pdf (дата обращения: 19.06.2025).
11. Стеблянская А.Н., Ванг Д., Разманова С.В. Арктический СПГ России: новые тренды и возможности / А.Н. Стеблянская, Д. Ванг, С.В. Разманова // Ресурсы Европейского Севера. Технологии и экономика освоения. — 2018. — № 1 (11). — С. 11-18.

12. Ульченко М.В. Анализ тенденций рынка СПГ и перспектив реализации российских арктических СПГ-проектов / М.В. Ульченко // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2021. — № 1 (71), Т. 24. — С. 82-97.
13. Ульченко М.В. Современное состояние глобального рынка сжиженного природного газа и перспективы реализации российских арктических СПГ-проектов / М.В. Ульченко // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2023. — № 4 (82), Т. 26. — С. 85-103.

REFERENCES

1. Afanasev S.N., Fadeev A.M. Rossijsko-kitajskoe technologicheskoe partnerstvo v Arktike na primere proekta Yamal SPG [Sino-Chinese technological partnership in the Arctic on the example of the Yamal LNG project]. / S. N. Afanasev, A. M. Fadeev // Arktika i innovacii [The Arctic and Innovations]. — 2025. — № 1, Vol. 3. — P. 33-41.
2. Andreev P.S. Preimushhestva i perspektivy` rasshireniya e`ksporta szhizhennogo prirodnogo gaza [Advantages and prospects for expanding exports of liquefied natural gas (LNG) from the Russian Federation to the Asia-Pacific countries] / P. S. Andreev // Aziatsko-tixookeanskij region: e`konomika, politika, parvo [Asia-Pacific region: economics, politics, law]. — 2015. — № 2, Vol. 17. — P. 47-55.
3. Bhagwat D. Rossiya i Indiya v Arktike: neobxodimost` bol`shej sinergii [Russia and India in the Arctic: A case for greater synergy]. / Bhagwat D. // Arktika i Sever [Arctic and North]. — 2020. — № 38. — P. 73-90.
4. Borodkin V.S., Grikhno M.A. Ekonomicheskoe preimushchestvo ispol`zovaniya SMP kak glavnogo transarkтического маршрута сбыта СПГ в страны АТР и ЕС [On the economic advantage of using the Northern Sea Route as the main trans-arctic route for the supply of liquefied natural gas to the Asia-Pacific and the EU]. / V. S. Borodkin, M. A. Grikhno // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [The International Scientific Research Journal]. — 2021. — № 6 (108). — P. 7-12.
5. Gudev P.A. Severny`j morskoy put`: problemy` legitimizacii nacional`nogo statusa v ramkax mezhdunarodnogo prava: chast` I [The Northern Sea Route: problems of national status legitimization under international law. Part I. A]. / P. A. Gudev // Arktika i Sever [Arctic and North]. — 2020. — № 40. — P. 142-164.
6. Ishmuratova M., Sobolev M., Rodichkin I., Meshherin I., Bogdanov E. Rossijskij malo- i srednetonnazhny`j SPG. Tom 2. Regional`naya seriya: Arktika. [Volume 2. Russian low- and medium-tonnage LNG]. / ed. by Klimenteva A., Mitrovoj T., Kapitonova S. // Centr e`nergetiki Moskovskoj shkoly` upravleniya SKOLKOVO [Energy Center of the Moscow School of Management SKOLKOVO]. — 2019. — URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arc_Vol2.pdf (accessed: 19.06.2025).
7. Ovakimyan M.S., Oganisyan M.K. Tranzit rossijskogo SPG v usloviyax sankcij [Transit of Russian LNG under sanctions]. / M.S. Ovakimyan, M.K. Oganisyan // Gorizonty` e`konomiki [Horizons of Economics]. — 2024. — № 5 (85). — P. 183-191.

8. Rodichkin I., Talipova A., Sun Dzh., Tkachenko M., Karasevich V., Kirilkina I., Ishmuratova M. Srednetonnazhnyj SPG v Rossii: mezhdunebomizemlej. [Medium-tonnage LNG in Russia: between heaven and earth] / ed. by Klimenteva A., Mitrovoj T., Sobko A. / I. Rodichkin, A. Talipova, Dzh. Sun, M. Tkachenko, V. Karasevich, I. Kirilkina, M. Ishmuratova // Centr e`nergetiki Moskovskoj shkoly` upravleniya SKOLKOVO [Energy Center of the Moscow School of Management SKOLKOVO]. — 2018. — URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_MediumDutyLNG_01122018.pdf (accessed: 19.06.2025).
9. Rossijskij malo- i srednetonnazhnyj SPG. Regional'naya seriya: Arktika. T. 2 [Russian small and medium tonnage LNG. Regional studies series. Vol. 2] / ed. by A. Kliment'eva, T. Mitrovoj, S. Kapitonova / Centr energetiki Moskovskoj shkoly upravleniya SKOLKOVO. [Energy Center of the Moscow School of Management SKOLKOVO]. — 2019. — URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arc_Vol2.pdf (data obrashcheniya: 19.06.2025).
10. Steblyanskaya A.N., Vang D., Razmanova S.V. Arkticheskij SPG Rossii: novy`e trendy` i vozmozhnosti [Russian Arctic LNG: new trends and opportunities]. / A. N. Steblyanskaya, D. Vang, S. V. Razmanova // Resursy` Evropejskogo Severa. Teknologii i e`konomika osvoeniya [Resources of the European North. Technologies and economics of development]. — 2018. — № 1 (11). — P. 11-18.
11. Ulchenko M.V. Analiz tendencij ry`nka SPG i perspektiv realizacii rossijskix arkticheskix SPG-proektov [Analysis of LNG market trends and prospects for the implementation of Russian Arctic LNG projects]. / M. V. Ulchenko // Sever i ry`nok: formirovanie e`konomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming Economic Order]. — 2021. — № 1 (71), Vol. 24. — P. 82-97.
12. Ulchenko M.V. Sovremennoe sostoyanie global'nogo ry`nka szhizhennogo prirodnogo gaza i perspektivy` realizacii rossijskix arkticheskix SPG-proektov [The global liquefied natural gas market: The current status and prospects for the implementation of Arctic LNG projects in Russia] / M. V. Ulchenko // Sever i ry`nok: formirovanie e`konomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming Economic Order]. — 2023. — № 4 (82), Vol. 26. — P. 85-103.
13. Zhuravel V.P. Problema osvoeniya Arktiki v usloviyax sankcionnogo davleniya na Rossiyu [The problem of Arctic development under the sanctions pressure on Russia]. / V. P. Zhuravel` // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]. — 2022. — № 2. — P. 32-40.

«Незаконный оборот наркотических средств в АТР и сотрудничество государств в разрешении этой проблемы»

Пикуль Дарья Николаевна

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Международный институт энергетической политики и дипломатии
19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

РЕЗЮМЕ

Проблема незаконного оборота наркотических средств в Азиатско-Тихоокеанском регионе является острой и многогранной, имеет собственную специфику, обоснованную культурными и историческими особенностями. Объединяя национальные усилия по решению этого вопроса, страны Азиатско-Тихоокеанского региона укрепляют диалог и взаимодействие в региональном формате. В работе будут рассмотрены конкретные примеры такого взаимодействия и их результаты. Не обойдем стороной также и сотрудничество в рамках международных и межправительственных организаций, которые играют важную роль в борьбе с наркоторговцами.

Актуальность данного исследования объясняется тем, что несмотря на то, что проблема наркотиков для данного региона не является новой, но ущерб, наносимый населению, окружающей среде и экономике данных стран с каждым годом лишь растет. Меняются и формы наркоторговли: смешиваясь с другими видами преступной деятельности, она становится более проблематичной для отслеживания.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к исследованию проблемы, который включает как количественный, так и качественный анализ, а также сравнительное изучение различных стран АТР и их методов борьбы с наркотиками. Теоретические рамки исследования

основаны на работах в области международного права, истории международных отношений и социологии, что позволяет глубже понять природу наркопреступности и возможные пути её сокращения.

Исследуемая тематика довольно узкая, поэтому для ее изучения необходимы данные в самых различных сферах, начиная от истории, заканчивая вопросами уголовного и международного права.

Основной целью данного исследования является анализ масштабов и особенностей незаконного оборота наркотических средств в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), а также исследование механизмов сотрудничества между государствами в борьбе с этой угрозой. Важно выявить, как международные инициативы, региональные соглашения и двусторонние отношения влияют на эффективность борьбы с наркоторговлей. Задачи исследования включают анализ исторических предпосылок, повлиявших на распространение наркоторговли в данном регионе; изучение текущего состояния проблемы незаконного оборота наркотиков в АТР, включая статистические данные и признанные тенденции; анализ законодательных и правоприменительных мер, принятых различными государствами региона; анализ источников и основных международных соглашений, действующих в данной сфере; рассмотрение роли международных организаций и инициатив, таких как ООН, АСЕАН, Шанхайская

организация сотрудничества, в координации действий стран региона; оценка роли таможенных и правоохранительных органов и их объединений в решении данной проблемы.

Также в рамках исследования предлагается ответить на следующий вопрос: в какой мере политизация международных инструментов противодействия наркотрафику подрывает способность государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) к формированию эффективных региональных моделей сотрудничества, основанных на принципах неделимости безопасности и учета исторической специфики?

Для выполнения поставленных задач будут использованы разнообразные методы. В качестве основного можно привести качественный анализ данных, который позволит оценить существующее регулирование и практику стран региона. Также будет применен количественный подход для статистической обработки информации о наркоторговле, а именно: работа с отчетами международных организаций, правительственными документами и исследовательскими работами. Метод сравнительного анализа поможет выявить сильные и слабые стороны различных стран в борьбе с проблемой.

В исследовании будут задействованы несколько теоретических подходов. Прежде всего, это подходы международного права, которые рассматривают ответственность государств за борьбу с транснациональной преступностью. Кроме того, будут применены социологические и экономические теории, анализирующие факторы, которые способствуют распространению наркоторговли, такие как бедность, коррупция и социальная нестабильность.

При подготовке данного исследования были задействованы различные источники. Во-первых, это основополагающие международные договоры ООН, такие как Единая конвенция о наркотических средствах 1961. Источником статистических данных послужил ежегодный Всемирный доклад о наркотиках УНП ООН, а также Отчет о незаконной торговле WCO. Были проанализированы работы отечественных и зарубежных специалистов по праву и социологии, а также исследования, опубликованные в специализированных журналах по вопросам безопасности и транснациональной преступности, а также статьи, касающиеся успешных практик сотрудничества государств в борьбе с наркотиками, обращая особое внимание на примеры из стран, имеющих схожий контекст с АТР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Азиатско-тихоокеанский регион; незаконный оборот наркотиков; «Золотой треугольник»; УНП ООН; WCO

The illicit drug trade in the Asia-Pacific region and cooperation between states on this issue

Darya N. Pikul'

MGIMO University

International Institute of Energy Policy and Diplomacy, 2nd Year

76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

ABSTRACT

The issue of illicit drug trafficking in the Asia-Pacific region is a significant and multifaceted challenge, with specific cultural and historical characteristics. The countries of the region are working to address this issue at a national level, and are actively engaging in cooperation in this area. This paper will examine specific examples of this collaboration and its outcomes. We will also consider cooperation within international and intergovernmental organisations that play a crucial role in the global fight against drug trafficking.

The significance of this research stems from the fact that, despite the long history of the drug issue in the region, the harm it causes to the populations, environment, and economies of these countries continues to increase annually. The forms of trafficking are also evolving, blending with other criminal activities, making it more difficult to monitor.

The scientific novelty of this research lies in its comprehensive approach to the study of the issue, which incorporates both quantitative and qualitative analysis as well as a comparative examination of various countries in the Asia-Pacific region and their approaches to drug control. The theoretical foundation of the research is based on works in the fields of criminology, international relations, and sociology, allowing for a more in-depth understanding of the nature of drug-related crime and potential methods to reduce it.

Given the narrow scope of the topic, the study requires data from a diverse range of fields, including history, criminal law, and international law issues.

The primary objective of this research is to examine the extent and characteristics of illegal drug trafficking in the Asia-Pacific Region (APR) and to investigate the mechanisms of cooperation among states in addressing this menace. It is crucial to identify how international efforts, regional arrangements, and bilateral relations impact the efficacy of the fight against illicit drug trade.

The study aims to delve into the historical backdrop that has contributed to the proliferation of drug trafficking within the region. It will analyze the current state of drug trafficking issues in the Asia-Pacific, including statistical data and identified trends. Additionally, it will scrutinize legislative and enforcement measures implemented by various countries in the region to combat the drug challenge. Furthermore, the research will explore the sources and significant international agreements in place in this domain; Consideration of the roles of international organizations and initiatives, such as the United Nations (UN), the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), and the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), in coordinating the efforts of countries in the region, is essential. An assessment of the roles played by customs and law enforcement agencies, as well as their associations, in addressing this issue is also crucial.

Various methods will be employed to accomplish these tasks. A qualitative analysis of data will serve as the primary approach, allowing for an evaluation of the existing regulations and practices of countries within the region. In addition, a quantitative approach will be utilized for statistical analysis of information on illicit drug trafficking, including reports from international organisations, government documents, and academic papers. The use of comparative analysis will aid in identifying the strengths and weaknesses of various countries' approaches to addressing the issue.

The study will employ several theoretical frameworks. Firstly, these are frameworks of international law which consider the responsibility of states to combat transnational crime. Additionally, sociological and economic theories will be utilized, analyzing the factors contributing to the proliferation of drug trafficking such as poverty, corruption, and social instability. A

significant aspect will be the application of theories of globalization and transnational networks as drug cartels operate across national borders through these networks.

Various sources were consulted in the preparation of this report. These include the fundamental international treaties of the United Nations, such as the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961, which forms the basis for the statistics presented in this report. Statistics were also drawn from the UNODC's annual World Drug Report and the WCO's Illicit Trade Report.

Domestic and international experts in law, sociology, and security were consulted, as were relevant articles published in academic journals on transnational crime and successful cooperation between countries in the fight against drug trafficking. Special attention was paid to examples from countries in the Asia-Pacific region, given the similarities in context.

KEY WORDS

Asia-Pacific region; drug trafficking; Golden Triangle; UNODC; WCO

Contact the author via dariapikul1@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

В 2025 году проблема незаконного оборота наркотиков не ослабевает, а, напротив, приобретает все более угрожающие масштабы. С течением времени, контрабандисты успешно адаптируются к внешним изменениям: меняют формы и виды контрабанды, совмещают ее с другими видами преступной деятельности. И государства как на национальном, так и на международном уровне должны со всей ответственностью подходить к решению данной проблемы и прилагать совместные усилия по борьбе с ней.

Данный вопрос особенно актуален для Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), поскольку именно здесь располагается, так называемый «Золотой треугольник», который исторически является основным очагом незаконного распространения наркотиков как в АТР, так и по всему миру. Согласно Всемирному докладу о наркотиках от 2024 года^[1], он является главным поставщиком опиоидного мака в мире, а на рынке синтетических наркотиков также входит в число лидеров.

КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

Контроль над незаконным оборотом наркотических средств представляет собой одну из наиболее сложных и устойчивых глобальных проблем. Исторически Восточная Азия являлась эпицентром кризиса, связанно-

го с опиумом, в XIX-XX веках, причем характер этого кризиса определялся не только масштабами потребления, но и целенаправленными действиями колониальных держав^[2].

Ключевым событием, сформировавшим наркополитику региона, стали Опиумные войны (1839-1842, 1856-1860), инициированные Великобританией в ответ на попытки Китайской империи прекратить ввоз опиума Британской Ост-Индской компанией^[3]. Эти конфликты, ставшие следствием британской торговой экспансии и использования наркотиков как инструмента давления, привели не только к открытию китайских портов, но и к глубокой дестабилизации государственных институтов, росту внутреннего потребления опиума и масштабным социально-экономическим издержкам, включая ухудшение здоровья населения, распространение коррупции и подрыв национальной экономики^[4].

Хотя опиумный мак традиционно использовался в региональной медицине как анальгетик и седативное средство, его массовое распространение в XIX веке было напрямую связано с колониальной коммерческой политикой^[5]. Практика навязывания опиумной зависимости населению колониальных и полуколониальных территорий (прежде всего Китая) впоследствии была признана стратегией подавления сопротивления и обеспечения экономического

[1] Всемирный доклад о наркотиках за 2024 год // УНП ООН. — С. 73. — URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 09.01.2025).

[2] McCoy A. W. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade / A. McCoy. — Chicago: Lawrence Hill Books, 2003. — P. 283. — URL: <https://archive.org/details/alfred-w.-mc-coy-the-politics-of-heroin-2003/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 09.02.2025). — Режим доступа: по подписке.

[3] Trocki C. A. Opium, Empire and the Global Political Economy: A Study of the Asian Opium Trade, 1750-1950 / C.A. Trocki. — Chicago: Lawrence Hill Books, 1999. — P. 14. — URL: <https://archive.org/details/opiumempiregloba0000troc/page/n5/mode/2up> (accessed: 09.02.2025).

[4] Ibid. — P. 148.

[5] Trocki C. A. Opium, Empire and the Global Political Economy: A Study of the Asian Opium Trade, 1750-1950 / C.A. Trocki. — Chicago: Lawrence Hill Books, 1999. — P. 98. — URL: <https://archive.org/details/opiumempiregloba0000troc/page/n5/mode/2up> (accessed: 09.02.2025).

доминирования метрополий^[1]. К началу XX века, по различным оценкам, число потребителей опиума в Китае, население которого приближалось к 450 миллионам, составляло порядка 25 миллионов человек^[2], что усугубляло последствия предшествующих военных поражений и внутренних кризисов.

Во второй половине XX века эпицентр производства опиатов в Восточной Азии сместился в так называемый «Золотой треугольник» (термин получил распространение с 1970-х гг.). Изначально охватывая труднодоступные горные регионы на стыке северного Таиланда (быв. Сиам), восточной Бирмы (совр. Мьянма) и западного Лаоса (быв. французская колония)^[3], этот район стал крупнейшим в мире источником нелегального опиясырца. Его формирование обусловлено комплексом факторов: благоприятными агроклиматическими условиями, периферийным положением относительно центров государственной власти, а также геополитическими процессами периода Холодной войны, когда производство и трафик опиатов использовались различными военно-политическими группировками (зачастую при внешней поддержке) для финансирования конфликтов^[4].

Культурные практики традиционного употребления опиума среди некоторых этнических групп ре-

гиона^[5] были радикально трансформированы под влиянием коммерциализации и политизации наркопроизводства в XX веке^[6]. Широкое распространение, особенно в первой половине XX века, получило курение опиума, часто в смеси с табаком^[7], что способствовало росту зависимости и связанных с ней социальных проблем.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Несмотря на то, что в настоящее время оборот опиумного мака и героина значительно уступает обороту синтетических наркотиков, таких как, например, метамфетамин, группировки, находящиеся на территории «Золотого треугольника», можно сказать, идут в ногу со временем. Чтобы не терять прибыль от этой незаконной деятельности, производителям пришлось пойти на диверсификацию, которая выражается в форме перехода на производство синтетических наркотиков, а также комбинации наркоторговли с другими видами преступной деятельности.

Таким образом, Мьянма (штаты Шан и Качин), в 2023 году стала крупнейшим производителем опийного мака (54%), второе место занимает Афганистан (17%)^[8]. По разным оценкам в производстве метамфетамина страны Золотого треугольника также лидируют, поставляя наркотики

[1] McCoy A. W. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade / A. McCoy. – Chicago: Lawrence Hill Books, 2003. – P. 145. – URL: <https://archive.org/details/alfred-w-mc-coy-the-politics-of-heroin-2003/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 09.02.2025). – Режим доступа: по подписке.

[2] Всемирный доклад о наркотиках за 2006 год // УНП ООН. — С. 73. — URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/drug2006.pdf?ysclid=mczzbynb56653897755> (дата обращения: 09.01.2025).

[3] Всемирный доклад о наркотиках за 2024 год // УНП ООН. — С. 55. — URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 09.01.2025).

[4] McCoy A. W. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade / A. McCoy. – Chicago: Lawrence Hill Books, 2003. – P. 130. – URL: <https://archive.org/details/alfred-w-mc-coy-the-politics-of-heroin-2003/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 09.02.2025). – Режим доступа: по подписке.

[5] Tai Lands and Thailand: Community and State in Southeast Asia / Ed. by A. Walker. – Singapore: ASAA Southeast Asia Publications Series, 2009. – P. 211. — URL: <https://nuspress.nus.edu.sg/products/tai-lands-and-thailand> (дата обращения: 09.02.2025). – Режим доступа: по подписке.

[6] Ibid. — С. 224.

[7] The scientific revolution: an encyclopedia / Ed. by W.E. Burns. — Santa Barbara: ABC-CLIO, 2001. — С. 14.

[8] Мьянма стала крупнейшим производителем опиума в мире, обогнав Афганистан // ООН. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447732> (дата обращения: 09.02.2025).

как в страны АТР, так и по всему миру.

Это закономерно порождает вопрос: каким образом преступным группировкам удастся столь безнаказанно осуществлять свою незаконную деятельность? Объяснений несколько.

Во-первых, ключевую роль играют географические и административные особенности региона: его удаленность, слабая заселенность и богатство природными ресурсами. Расположение «Золотого треугольника» в приграничных зонах нескольких государств создает идеальные условия для контрабандистов, позволяя беспрепятственно переправлять товар через слабоохраняемые участки границы.

Во-вторых, регион характеризуется высокой концентрацией преступных структур при крайне слабом присутствии государственной власти. Показателен пример Мьянмы: резкий рост наркооборота в 2021 году совпал с государственным переворотом, произошедшим на фоне ослабления системы безопасности^[1]. Наконец, нельзя списывать со счетов и возможную заинтересованность самих государственных структур в доходах от незаконной деятельности, что подрывает стимулы к эффективной борьбе с ней.

Однако интерпретация наркоэкономики региона исключительно через призму слабости государственных институтов или попустительства властей является существенным упрощением^[2]. Страны «Золотого треугольника»

на протяжении десятилетий реализуют комплексные (хотя и не всегда эффективные) антинаркотические стратегии, сталкиваясь с объективными геополитическими, экономическими и социальными вызовами.

С конца 1960-х гг. Таиланд стал пионером в разработке альтернативных моделей развития (Alternative Development, AD). Программа королевского проекта (Royal Project Foundation), инициированная королем Пхумипоном Адульядетом в 1969 г., фокусировалась на замене посевов опийного мака на высокогорные сельхозкультуры (кофе, фрукты, цветы) с параллельным созданием инфраструктуры и рынков сбыта^[3]. К 2000-м гг. культивирование опиумного мака в Таиланде было практически ликвидировано^[4]. Но ключевыми проблемами остаются: транзитный трафик наркотиков из Мьянмы, рост производства синтетических наркотиков (метамфетамин) и коррупция в пограничных провинциях^[5].

Если говорить о других странах АТР, то, например, в Индонезии действуют строгие карательные меры для лиц, осуществляющих контрабанду наркотиков, вплоть до смертной казни^[6], что было подтверждено Конституционным судом Индонезии^[7]. На Филиппинах после прихода к власти Родриго Дутерте началась «война с наркотиками», которая заключалась в

[1] Всемирный доклад о наркотиках за 2024 год // ООН. — С. 53. — URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

[2] Magliocca N. et al. Comparative Analysis of Illicit Supply Network Structure and Operations: Cocaine, Wildlife, and Sand / N. Magliocca, A. Torres, J. Margulies, K. McSweeney // Journal of Illicit Economies and Development. — 2021. — №3. — P. 110. — DOI: 10.31389/jied.76 (дата обращения: 09.02.2025).

[3] The Royal Project Foundation, Thailand // UN. — URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/2019/Contributions/October/Panellists/24_October/7_Thailand.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

[4] Golden Triangle shows downward trend in opium cultivation // UN Report. — URL: <https://news.un.org/en/story/2003/06/71742> (дата обращения: 09.02.2025).

[5] Всемирный доклад о наркотиках за 2024 год // УНП ООН. — С. 53. — URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

[6] Law of the republic of Indonesia on narcotics // National Narcotics Board. — Art. 80. — URL: NATIONAL NARCOTICS BOARD REPUBLIC OF INDONESIA ASEAN Main Portal <https://asean.org/uploads/images/archive> (дата обращения: 09.02.2025).

[7] Decision No. 2-3/PUU-V/2007 // Indonesian Constitutional Court. — URL: <https://www.austlii.edu.au/au/journals/AUIntLawJl/2007/15.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

массовых внесудебных казнях предполагаемых наркоторговцев^[1].

Анализ наркополитики в АТР нередко затрудняется не критичным воспроизводством западных нарративов, возлагающих исключительную ответственность за производство наркотиков на «неудобные» государства, игнорируя историческую роль внешних факторов в формировании криминальных инфраструктур. Классический пример — Лаос и Мьянма, где деятельность ЦРУ в 1960-70-х гг. по поддержке антикоммунистических сил (армия генерала Ванг Пао) напрямую стимулировала опиумное производство в «Золотом треугольнике» для финансирования прокси-войн^[2]. При этом в современных западных докладах (например, INCSR Госдепа США) эти страны систематически клеймятся как «наркогосударства» без упоминания исторического контекста их уязвимости.

Однако с начала 2000-х гг. «Золотой треугольник» столкнулся с новой парадигмой: стремительным вытеснением растительных опиатов синтетическими наркотиками, прежде всего метамфетамином (в форме таблеток «яба» и кристаллического «льда»), что кардинально трансформировало структуру наркорынка, логистику и вызовы для правоохранительных органов^[3].

Такое изменение связано с несколькими факторами: во-первых, они гораздо более экономичны в производстве, чем растительные, как во временном, так и в денежном отношении. К тому же, их можно производить практически в любом месте, имея под рукой прекурсоры. Соответственно, если расположить производство ближе к пункту назначения, то значительно сократятся расходы на логистику.

Также синтез наркотиков кажется более благоприятным для преступников еще по той причине, что их гораздо сложнее контролировать. Зачастую их изготавливают из химических веществ, не подлежащих действующему регулированию, а также используют новые способы производства^[4].

По данным ООН^[5], преступники прибегают к разным способам оставаться недостижимыми для правоохранительных органов, выискивают различные юридические лазейки. Они даже используют в своей работе искусственный интеллект для создания новых формул и химических соединений.

Основные химические компоненты (эфедрин, псевдоэфедрин, ангидрид уксусной кислоты) поставляются преимущественно из Китая (через «серый» импорт, фальшивые декларации, коррупционные схемы)^[6] и Индии (через Дубай и Сингапур)^[7].

[1] Kishi R., Buenaventura T. The Drug War Rages on in the Philippines: New Data on the Civilian Toll, State Responsibility, and Shifting Geographies of Violence // ACLED. — 2021. — URL: <https://acleddata.com/2021/11/18/the-drug-war-rages-on-in-the-philippines-new-aced-data-on-the-civilian-toll-state-responsibility-and-shifting-geographies-of-violence/> (дата обращения: 09.02.2025).

[2] Кочетков Д.С. Золотой треугольник: краткая история и наши дни. — С. 3. — Д. С. Кочетков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2019. — № 2(43). — URL: [https://sea.ivran.ru/f/SEA2019n2\(43\)p215-232.pdf](https://sea.ivran.ru/f/SEA2019n2(43)p215-232.pdf) (дата обращения: 09.02.2025). — Режим доступа: свободный.

[3] Всемирный доклад о наркотиках за 2023 год // УНП ООН. — С. 35. — URL: https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_ExSum_Russian.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

[4] Там же. — С. 34.

[5] 'Rapid expansion' of synthetic drugs reshaping illicit markets, UN anti-narcotics body warns // UN Report. — URL: <https://news.un.org/en/story/2025/03/1160741> (дата обращения: 09.03.2025).

[6] Precursors and Chemicals Frequently Used in the Illicit Manufacture of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances: Report of the International Narcotics Control Board for 2021 // UN. — pp. 22-23. — URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2022/INCB/INCB_2021_Precursors_E.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

[7] Synthetic Drugs in East and Southeast Asia 2023: Latest development and challenges // UN. — P. 47. — URL: https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2023/Synthetic_Drugs_in_East_and_Southeast_Asia_2023.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

Основным наземным коридором поставки наркотиков из «Золотого треугольника» является «Меконгский путь» – это главный маршрут для перевозки метамфетамина («яба», «лед») из мьянманского штата Шан через Лаос и Таиланд в Камбоджу, Вьетнам и Малайзию^[1]. Наркотики перевозятся на рыбацких лодках, грузовых судах и автомобилях, маскируясь под легальные товары^[2]. В 2024 г. через этот коридор перевезено >85% синтетических наркотиков региона^[3]. В Австралию и Новую Зеландию наркотики скрывают в контейнерах с рыбной продукцией, отправляемых из тайландских портов^[4].

Негативное влияние наркотиков на организм человека должно быть очевидным, но хотелось бы отметить и пагубное воздействие неконтролируемого оборота наркотиков на окружающую среду.

При производстве синтетических наркотиков вырабатывается большое количество токсичных веществ, что негативно сказывается на состоянии прилегающих районов. По данным ООН, годовой объем потребления метамфетамина в регионах, приближенных к «Золотому треугольнику» составляет почти 308 чистых метрических тонн^[5]. При изготовлении такого количества продукции образуется 1500–3100 метрических тонн отходов и побочных продуктов. Если взять средние данные по изъятиям за последние пять лет и прибавить их к объему потребления, то объем химических

отходов, образующихся при производстве метамфетамина, в «Золотом треугольнике» может составлять от 1900 до 3800 тонн в год^[6].

Токсичные отходы могут привести к гибели растений и эрозии почвы, а при их выбросе в водоемы – к загрязнению питьевой воды. Производство метамфетамина законодательно не урегулировано ни в одном правовом порядке, поэтому то, что производители наркотиков утилизируют токсичные отходы должным образом, вызывает большие сомнения. Исходя из этого мы можем лишь предполагать размеры ущерба, наносимого окружающей среде при производстве наркотиков.

Немаловажную роль в нелегальном производстве наркотических средств играет и местное население. Например, в Мьянме затяжной вооруженный конфликт вынуждает население менять место жительства из-за страха перед военными действиями и преступными группировками. Беженцы, находящиеся на грани бедности, вынуждены заниматься производством наркотиков в качестве единственного способа заработать себе на жизнь.

Здесь не может быть и речи ни о каких трудовых правах работников на производстве. Преступные группировки могут задерживать заработную плату, не выплачивать ее вовсе или выплачивать в ненадлежащем объеме. Уйти оттуда добровольно тоже нельзя. Рабочий день увеличен, из-за чего работники сами зачастую начинают

[1] Репортаж из «золотого треугольника»: как ООН помогает остановить поток наркотиков в Юго-Восточной Азии // ООН. — 2023. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1441622> (дата обращения: 09.02.2025).

[2] Там же.

[3] В «Золотом треугольнике» наблюдается «беспрецедентный» бум производства синтетических наркотиков // ООН. — 2025. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/05/1464766> (дата обращения: 01.06.2025).

[4] Репортаж из «золотого треугольника»: как ООН помогает остановить поток наркотиков в Юго-Восточной Азии // ООН. — 2023. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1441622> (дата обращения: 09.02.2025).

[5] Всемирный доклад о наркотиках за 2024 год // УНП ООН. — С. 73. — URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

[6] Там же.

употреблять наркотики для увеличения работоспособности^[1]. И все это превращается в порочный круг, из которого выбраться почти невозможно.

СИТУАЦИЯ НА ДРУГОМ БЕРЕГУ ТИХОГО ОКЕАНА

Хотя проблема наркоторговли в странах Латинской Америки, относящихся к АТР, требует отдельного детального рассмотрения, хотелось бы обозначить несколько моментов, обусловленных спецификой данных государств.

Археологические раскопки в Эквадоре и Чили свидетельствуют о том, что традиция жевания листьев коки существует не менее двух тысячелетий^[2]. Коренное местное население закладывало листья за щеки и десны и с их помощью боролось с чувством жажды и усталости. При таком способе употребления зависимость населения не приобретала негативные последствия. Более того, в Перу древние инки почитали коку как священное растение и сжигали ее листья в честь своих идолов^[3].

Тем не менее, понимание негативного влияния массового злоупотребления наркотиками на общество сформировалось достаточно давно. Данное осознание инициировало многолетние усилия по выработке разнообразных моделей регулирования оборота наркотических веществ.

Так, в Уголовном кодексе Чили 1875 года устанавливалась ответственность

за продажу наркотиков для неаптекарских производителей, а также для тех, кто, являясь, с точки зрения закона, уполномоченным на их продажу, делает это без надлежащих к тому оснований^[4].

Но на сегодняшний день ситуация складывается таким образом, что страны Латинской Америки, которые, в том числе, относятся к АТР, известны многим как крупнейшие поставщики наркотиков по всему миру. Например, согласно данным за 2023 год, Колумбия заняла первое место по количеству преступлений, связанных с незаконной продажей кокаина, второе место разделили Перу и Мексика^[5]. По преступлениям, связанным с оборотом других наркотических веществ – героина и каннабиса – данные страны тоже входят в список лидеров^[6].

Как обстоят дела с синтетическими наркотиками сказать трудно, поскольку отследить их гораздо сложнее. При этом, ситуация в Мексике свидетельствует о резком расширении рынка производства метамфетамина: в этой стране число обращений за лечением в связи с употреблением этого наркотика превысило количество обращений в связи с употреблением алкоголя, а число лиц, поступающих на лечение в связи с расстройствами на почве употребления метамфетамина, выросло на 218 процентов в период с 2013 по 2020 год^[7].

Но правительства государств не остаются равнодушными и принимают различные меры по усилению государственного контроля за

[1] Всемирный доклад о наркотиках за 2024 год // УНП ООН. — С. 85. — URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

[2] Дейвенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения. Всемирная история наркотиков 1500–2000 / Пер. А. Савинова. — М.: АСТ, 2004. — С. 4. — URL: <https://litlife.club/books/156180/read?page=4&ysclid=m81q2nymhl663345183> (дата обращения: 09.02.2025).

[3] Там же.

[4] Labbé M.F. Drogas en Chile 1900-1970. Mercado, consumo y representación / M.F. Labbé. — Santiago de Chile: C y C impresores, 2011. — P. 59.

[5] The Global Organized Crime Index: официальный сайт. — URL: <https://ocindex.net> (дата обращения: 09.02.2025).

[6] Там же.

[7] Всемирный доклад о наркотиках за 2022 год // УНП ООН. — С. 76. — URL: https://www.unodc.org/res/wdr2022/MS/WDR22_Booklet_1_russian.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

наркопреступлениями. Так, в прошлом году в Перу был проведен масштабный обзор законодательства в сфере управления морскими и речными судами, через которые и проходят самые масштабные поставки наркотиков внутри страны и за границу^[1].

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С ОБЩИМ ВРАГОМ

Из примеров, описанных выше, мы можем понять, что многие государства в разные исторические периоды предпринимали попытки борьбы с незаконной торговлей наркотиков, используя различные меры правового и социального характера. Все они направлены преимущественно на ужесточение карательных мер для преступников. Но этих попыток недостаточно. Важно работать не только с последствиями, но и с первопричиной данных преступлений, изучать тенденции и изменения на рынке незаконных наркотиков, поведение преступных группировок.

Следовательно, разработка эффективных решений возможна только через совместные усилия государств АТР. Далее мы обратимся к конкретным механизмам и форматам такого взаимодействия.

Однако, прежде чем анализировать модели регионального сотрудничества, необходимо обозначить ключевые международные договоры, составляющие правовую основу контроля над наркотиками.

Во-первых, это Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 года^[2], принятая под эгидой ООН. Целью ее принятия была кодификация, которая впоследствии привела к сокращению большого количества международных договоров в данной области, путем создания единого укрупненного акта. Также она установила контроль над производством наркотического сырья и перечень всех наркотических средств. Конвенция вступила в силу 13 декабря 1964 года и была дополнена в 1972 году. По состоянию на 2025 год Единую конвенцию с внесёнными в неё поправками ратифицировали 186 стран.

Следующим основополагающим международным договором в данной сфере является Конвенция о психотропных веществах, по-другому – Венская Конвенция 1971 года^[3]. Аналогично Единой Конвенции о наркотических средствах 1961, она содержит в себе исчерпывающий перечень психотропных веществ и устанавливает некоторые положения о контроле за их оборотом. Вступила в силу в августе 1976 г.

Заключительным и объединяющим предшествующие актом является Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года^[4]. Она, по сути, является уточняющей и предлагает конкретные правовые механизмы по контролю за наркотиками и психотропными веществами. Вступила в силу в 1990 году.

[1] Peru strengthens the fight against drug trafficking in its ports // FIIAPP. — 2024. — URL: <https://www.fiiapp.org/en/noticias/peru-strengthens-the-fight-against-drug-trafficking-in-its-ports/> (дата обращения: 09.03.2025).

[2] Организация Объединенных Наций. Единая конвенция о наркотических средствах: принята на Конференции в 1961 г // Организация Объединенных наций: официальный сайт. — URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1961_ru.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

[3] Организация Объединенных Наций. Конвенция о психотропных веществах: принята на Конференции в 1971 г // Организация Объединенных наций: официальный сайт. — URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_ru.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

[4] Организация Объединенных Наций. Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: принята на Конференции в 1988 г // Организация Объединенных наций: официальный сайт. — URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

Еще одним важным документом, принятым под эгидой ООН, является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (UNTOC)^[1]. Этот документ, являющийся наиболее ратифицированным инструментом в своей сфере^[2], предлагает государствам АТР комплексный механизм сотрудничества, включающий:

1. Гармонизацию законодательств (особенно в сфере криминализации отмывания доходов, коррупции, воспрепятствования правосудию);
2. Совместные расследовательские группы и оперативные мероприятия;^[3]
3. Экстрадицию и взаимную правовую помощь^[4];
4. Защиту свидетелей и потерпевших^[5];
5. Техническое содействие укреплению потенциала правоохранительных и судебных систем^[6].

Однако эффективность UNTOC в АТР снижается из-за селективного применения его норм ведущими западными державами. Санкции (например, против РФ, КНДР, Ирана, затрагивающие их партнеров в АТР), ограничивающие финансовые потоки и доступ к технологиям пограничного контроля, де-факто создают «серые зоны», используемые синдикатами для логистики и отмывания средств.

Ключевым органом по борьбе с незаконным оборотом наркотиков яв-

ляется Управление ООН по наркотикам и преступности (United Nations Office on Drugs and Crime). Согласно официальным данным, этот директивный орган ООН занимается борьбой против незаконного оборота наркотиков и международной преступности. Управление было основано в 1997 году в результате слияния Программы ООН по контролю за наркотиками и Центра по предотвращению международной преступности^[7]. Помимо этого, УНП ООН занимается мониторингом запрещенных наркокультур, просветительской работой, а также аналитической деятельностью, в частности, выпускает Всемирный доклад о наркотиках, который является ежегодным отчетом об основных изменениях на мировых рынках наркотиков, на который неоднократно делались ссылки в данном исследовании. Так, из доклада за 2023 год следует, что в последнее время наблюдается ярко выраженная связь наркоторговли с другими видами преступной деятельности, например, с незаконной добычей природных ресурсов или контрабандой ценных объектов дикой природы^[8].

В АТР форумы и конференции, связанные с проблемой наркотиков, проводятся постоянно в рамках локальных международных организаций: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН),

[1] Организация Объединенных Наций. Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2000 г // Организация Объединенных наций: официальный сайт. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml?ysclid=md0mtt4pqy489858543 дата обращения: 09.02.2025).

[2] Международный день борьбы с транснациональной организованной преступностью // ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/observances/fight-against-transnational-crime-day> (дата обращения: 09.02.2025).

[3] Конвенция против транснациональной организованной преступности Организации Объединенных Наций: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2000 г // ООН. — Ст. 26. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml?ysclid=md0mtt4pqy489858543 дата обращения: 09.02.2025).

[4] Там же, Ст. 18.

[5] Там же, Ст. 24.

[6] Там же, Ст. 29.

[7] УНП ООН: официальный сайт. — URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 09.01.2025).

[8] Всемирный доклад о наркотиках за 2023 год // УНП ООН. — С. 85. — URL: <https://www.unodc.org/res/WDR-2023/2314940R.pdf> (дата обращения: 09.01.2025).

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АСЕАН, АПЕС), Южно-Тихоокеанская комиссия (PCS) и другие.

В частности, еще в 1998 году страны-участницы АСЕАН подписали Совместную декларацию о свободной от наркотиков АСЕАН (A DRUG-FREE ASEAN)^[1], в которой закрепили в качестве цели искоренить производство, переработку и торговлю наркотиков в Юго-Восточной Азии к 2020 году.

Несмотря на то, что, очевидно, цель не была достигнута, страны-участницы, уделяя данному вопросу особое внимание, не оставляют попыток решить острую проблему наркотиков в регионе. Для этого они используют всевозможные формы сотрудничества, например, 11 августа 2023 года в Лаосе состоялась 8-я министерская встреча АСЕАН по вопросам наркотиков (AMD)^[2].

Важным шагом также является создание в 2015 году Центра сотрудничества стран АСЕАН в области борьбы с наркотиками (ASEAN-NARCO)^[3], который является платформой для развития в данной сфере, а также занимается разработкой механизмов по реализации специализированного законодательства.

Ключевую роль в борьбе с контрабандой наркотиков играют таможенные органы. Именно они напрямую занимаются пресечением попыток провести через государственную границу запрещенные вещества и изъятием их у преступников. По данным

Ежегодного доклада ООН о наркотиках за 2023 год, медианный вес изъятых метамфетамина в регионе «Золотого треугольника» в период с 2015 по 2023 год увеличилась в 12 раз (с 10 до 120 кг), в то время как медианный вес изъятий героина уменьшился примерно в 1,5 раза^[4]. Это в очередной раз подтверждает увеличение спроса на синтетические наркотики.

Говоря о взаимодействии таможенных органов, нельзя не упомянуть такую межправительственную организацию, как WCO (Всемирная таможенная организация)^[5]. Она была основана в 1952 году и ее прародителем является Группа изучения Европейского таможенного союза, за время своей деятельности она от региональной достигла статуса всемирной организации, контролирующей 98% международной торговли.

В качестве структурных подразделений выступают Комитеты WCO. Для нас интерес представляет Правоохранительный комитет, в круг деятельности которого входит борьба с незаконным оборотом наркотиков, отмыванием денег и другие вопросы. Одним из результатов деятельности данного органа является Ежегодный Отчет о незаконной торговле. В частности, согласно отчету за 2023 год, в Азиатско-Тихоокеанском регионе в последнее время наблюдается тенденция участия женщин в незаконном обороте в качестве курьеров^[6].

Также при WCO действуют Региональные ведомства по наращиванию

[1] Drug-Free ASEAN 2015: Status and Recommendations // The UNODC Regional Center for the Asia-Pacific Region: official website. — P. 121. — URL: https://www.unodc.org/roseap/uploads/archive/documents/Publications/ASEAN_2015.pdf (дата обращения: 09.01.2025).

[2] Eighth ASEAN Ministerial Meeting on Drug Matters opens in Laos // Vietnamplus. — 2023. — URL: <https://en.vietnamplus.vn/eighth-asean-ministerial-meeting-on-drug-matters-opens-in-laos-post266086.vnp> (дата обращения: 09.02.2025).

[3] ASEAN NARCO: official website. — URL: <https://aseannarco.oncb.go.th> (дата обращения: 09.02.2025).

[4] Всемирный доклад о наркотиках за 2024 год // УНП ООН. — С. 59. — URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 09.01.2025).

[5] World Customs Organization: official website. — URL: <https://www.wcoomd.org> (дата обращения: 09.02.2025).

[6] Illicit Trade Report 2023 // WCO: official website. — С. 35. — URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/enforcement-and-compliance/activities-and-programmes/illicit-trade-report/itr_2023_en.pdf?db=web (дата обращения: 09.01.2025).

потенциала (ROCBs)^[1], основной задачей которых является помощь в адаптации и внедрении инструментов, разработанных WCO для борьбы с контрабандой, с учетом политических и правовых особенностей государств соответствующего региона.

Всего существуют 4 ROCB, одно из которых занимается проблемами Азиатско-Тихоокеанского региона. Весной 2024 года в Корее состоялась встреча глав таможенных служб государств АТР, где были обсуждены основные тенденции в работе таможенных органов, а также было продемонстрировано новейшее оборудование и лаборатории по анализу различных категорий товаров^[2].

Для пресечения контрабанды наркотиков необходимо сотрудничество и правоохранительных органов. В этой связи стоит упомянуть такую локальную организацию, как ADLOMICO^[3], которая представляет собой ежегодное заседание руководителей антинаркотических ведомств по укреплению международного сотрудничества. Организатором является Генеральная прокуратура Республики Корея, которая проводит данные встречи уже более 30 лет.

В конференции также принимают участие представители международных организаций, например, Директор УНП ООН. На встрече обсуждаются основные тенденции в наркотических преступлениях и меры борьбы с ними.

Еще одной распространенной формой сотрудничества правоохранительных органов является проведение

совместных мероприятий. Например, в 2023 году спецслужбами АТР при поддержке УНП ООН была проведена операция «Mekong Dragon V»^[4], которая побила все рекорды по изъятиям.

Всего в операции участвовали органы из 23 стран и с апреля по сентябрь 2023 года им удалось совершить 1775 изъятий незаконных наркотиков. Помимо этого, таможнями Бангладеша, Австралии, Гонконга, Индии были изъяты незаконные продукты животного происхождения, такие как слоновые кости, продукты акулы, черепахи, панголина, а также розовое дерево. Эти случаи в очередной раз подтверждают связь наркоторговли с другими видами преступной деятельности.

Эти изъятия, как и сама операция, сыграли ключевую роль в инициативе по борьбе с наркотиками в регионе, продемонстрировав результативность международного сотрудничества и необходимость комплексного подхода к решению данной проблемы. Операция стала значимым событием как в международном праве, так и в сфере борьбы с организованной преступностью и наркоторговлей.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Несмотря на многократные попытки стран АТР решить проблему наркокартелей, есть несколько общих моментов, которые, на наш взгляд, смогут в значительной степени повлиять на текущее положение вещей.

[1] World Customs Organization: official website. — URL: https://www.wcoomd.org/en/about-us/wco-regional-bodies/cb_regional_offices.aspx (дата обращения: 09.02.2025).

[2] The 3rd Meeting of Heads of WCO Asia/Pacific Regional Customs Laboratories concludes successfully // Newswires. — 2024. — URL: https://www.einnews.com/pr_news/708339978/the-3rd-meeting-of-heads-of-wco-asia-pacific-regional-customs-laboratories-concludes-successfully (дата обращения: 09.02.2025).

[3] ADLOMICO Opens on June 26 in Jeju // Jeju. — 2013. — URL: https://www.investkorea.org/jj-en/bbs/i-1497/detail.do?ntt_sn=61060 (дата обращения: 09.02.2025).

[4] Operation Mekong Dragon V Breaks Records with Unprecedented Seizures in 2023 // УНП ООН. — 2023. — URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/environment-climate/webstories/omd-v.html> (дата обращения: 09.02.2025).

1. Региональная кооперация вне блоковой логики: странам АТР критически важно продолжать развивать **собственные форматы сотрудничества** (на базе АСЕАН, ШОС, СВМДА), минимизирующие риски политизации. Целью должно стать создание региональных баз данных по прекурсорам, образцам наркотиков, криминальным сетям и финансовым схемам отмыва, независимых от западных платформ, доступ к которым может быть ограничен санкциями. Это соответствует духу UNTOC, в частности, ст. 28^[1].

2. Развитие интегрированных систем погранично-таможенного контроля: Государствам АТР целесообразно создать **единую цифровую платформу** для обмена данными о перемещении грузов в режиме реального времени. Это предполагает: внедрение автоматизированных сканеров контейнеров в ключевых портах (Сингапур, Шанхай, Манила); гармонизацию протоколов электронного декларирования на основе стандартов Всемирной таможенной организации (WCO); совместные тренировки таможенных служб по выявлению замаскированных прекурсоров (например, под видом удобрений или фармсырья).

3. Цифровое противодействие онлайн-торговле: поскольку сейчас большинство операций с наркотиками происходит именно онлайн, необходимо принять несколько мер в этом направлении, например, создать в ШОС/АСЕАН совместные киберподразделения для отслеживания наркорынков в даркнете (по примеру EUROPOL^[2]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, хочется отметить, что проблема незаконного оборота наркотических средств в Азиатско-Тихоокеанском регионе по-прежнему остается острой и многогранной. Преступная деятельность в данной сфере не только не снижает свою активность, а наоборот, только набирает обороты, применяя диверсификацию, совмещение различных видов преступной деятельности, современные технологии и новые средства совершения преступлений.

Государства АТР принимали неоднократные попытки урегулировать данный вопрос на национальном уровне, активно сотрудничают в данной сфере, но пока этих мер воздействия недостаточно. Пока что удается бороться только с последствиями нарушений законодательства, а не с их первопричиной.

При этом проведенный анализ позволяет утверждать, что политизация антинаркотического сотрудничества оказывает негативное воздействие на потенциал государств АТР по выработке устойчивых региональных решений. В первую очередь необходимо бороться с общей проблемой, а не ставить сиюминутные политические интересы выше региональной безопасности.

Только совместные усилия всех государств АТР позволят превратить регион из эпицентра наркотрафика в лабораторию инновационных антикриминальных стратегий XXI века.

[1] Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2000 г // ООН: официальный сайт. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml?ysclid=md0mtt4pqy489858543 (дата обращения: 09.02.2025).

[2] Operation RapTor strikes hundreds of dark web vendors and buyers across four continents // Europol. — URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/270-arrested-in-global-dark-web-crackdown-targeting-online-drug-and-criminal-networks> (дата обращения: 09.02.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейвенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения. Всемирная история наркотиков 1500–2000 / Пер. А. Савинова. — М.: АСТ, 2004. — 632 с.
2. Кочетков Д.С. Золотой треугольник: краткая история и наши дни / Д. С. Кочетков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2019. — № 2(43). — URL: [https://sea.ivran.ru/f/SEA2019n2\(43\)p215-232.pdf](https://sea.ivran.ru/f/SEA2019n2(43)p215-232.pdf) (дата обращения: 09.02.2025).
3. Labbé M.F. Drogas en Chile 1900-1970. Mercado, consumo y representación / M.F. Labbé. — Santiago de Chile: C y C impresores, 2011. — 197 p.
4. Magliocca N. et al. Comparative Analysis of Illicit Supply Network Structure and Operations: Cocaine, Wildlife, and Sand / N. Magliocca, A. Torres, J. Margulies, K. McSweeney // Journal of Illicit Economies and Development. — 2021. — №3. — pp. 50-73. — DOI: 10.31389/jied.76 (дата обращения: 09.02.2025).
5. McCoy A. W. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade / A. McCoy. — Chicago: Lawrence Hill Books, 2003. — URL: <https://archive.org/details/alfred-w.-mc-coy-the-politics-of-heroin-2003/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 09.02.2025). — Режим доступа: по подписке.
6. The scientific revolution: an encyclopedia / Ed. by W.E. Burns. — Santa Barbara: ABC-CLIO, 2001. — 386 p.
7. Tai Lands and Thailand: Community and State in Southeast Asia / Ed. by A. Walker. — Singapore: ASAA Southeast Asia Publications Series, 2009. — URL: <https://nuspress.nus.edu.sg/products/tai-lands-and-thailand> (дата обращения: 09.02.2025). — Режим доступа: по подписке.
8. Trocki C. A. Opium, Empire and the Global Political Economy: A Study of the Asian Opium Trade, 1750-1950 / C.A. Trocki. — Chicago: Lawrence Hill Books, 1999. — URL: <https://archive.org/details/opiumempiregloba0000troc/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 09.02.2025). — Режим доступа: по подписке.

REFERENCES

1. Davenport-Hines R. V poiskah zabveniia. Vsemirnaya istoriya narkotikov 1500–2000 [The Pursuit of Oblivion: A Global History of Narcotics 1500-2000] / Per. A. Savinova. — M.: AST, 2004. — 632 p.
2. Kochetkov D.S. Zolotoj treugol'nik»: kratkaya istoriya i nashi dni [The Golden Triangle: a brief history and our days] / D. S. Kochetkov // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. — 2019. — № 2(43). — URL: [https://sea.ivran.ru/f/SEA2019n2\(43\)p215-232.pdf](https://sea.ivran.ru/f/SEA2019n2(43)p215-232.pdf) (accessed: 09.02.2025).
3. Labbé M.F. Drogas en Chile 1900-1970. Mercado, consumo y representación / M.F. Labbé. — Santiago de Chile: C y C impresores, 2011. — 197 p.
4. Magliocca N. et al. Comparative Analysis of Illicit Supply Network Structure and Operations: Cocaine, Wildlife, and Sand / N. Magliocca, A. Torres, J. Margulies, K. McSweeney // Journal of Illicit Economies and Development. — 2021. — №3. — pp. 50-73. — DOI: 10.31389/jied.76 (accessed: 09.02.2025).

5. McCoy A. W. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade / A. McCoy. – Chicago: Lawrence Hill Books, 2003. – URL: <https://archive.org/details/alfred-w.-mc-coy-the-politics-of-heroin-2003/page/n7/mode/2up> (accessed: 09.02.2025).
6. The scientific revolution: an encyclopedia / Ed. by W.E. Burns. – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2001. – 386 p.
7. Tai Lands and Thailand: Community and State in Southeast Asia / Ed. by A. Walker. – Singapore: ASAA Southeast Asia Publications Series, 2009. – URL: <https://nuspress.nus.edu.sg/products/tai-lands-and-thailand> (accessed: 09.02.2025).
8. Trocki C. A. Opium, Empire and the Global Political Economy: A Study of the Asian Opium Trade, 1750-1950 / C.A. Trocki. – Chicago: Lawrence Hill Books, 1999. – URL: <https://archive.org/details/opiumempiregloba0000troc/page/n5/mode/2up> (accessed: 09.02.2025).

Обзор панельной дискуссии «300 лет противостояния: как строить отношения с англосаксами»

Царёва Мария Алексеевна

МГИМО МИД России

Факультет международной журналистики, 4 курс

Мокроусова Дарья Владимировна

МГИМО МИД России

Факультет международных отношений, 1 курс

Игнатьева Виктория Юрьевна

МГИМО МИД России

Факультет международной журналистики, 2 курс

Посылкина Елизавета Александровна

МГИМО МИД России

Международно-правовой факультет, 1 курс

РЕЗЮМЕ

Панельная дискуссия Англосаксонского клуба НСО МГИМО, состоявшаяся 25 апреля 2025 года, под названием «300 лет противостояния: как строить отношения с англосаксами», стала важной площадкой для всестороннего анализа многолетнего противостояния и современных вызовов в российско-англосаксонских отношениях. Обсуждались вопросы международной безопасности, дипломатии, санкций, а также стратегического партнерства и многополярности в условиях современного международного кризиса, с особым акцентом на российско-американские и российско-британские связи.

В ходе обсуждения эксперты рассмотрели влияние российского фактора на внутрисполитическую повестку США и Великобритании, включая санкционное давление, шпионские скандалы и украинский кризис, которые существенно осложняют диалог и требуют новых дипломатических подходов. Анализировались текущие тенденции в международной дипломатии, вопросы ядерного разору-

жения, роль НАТО и перспективы многополярности в современном мире. Особое внимание было уделено роли Канады, где украинская диаспора оказывает значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику, что осложняет двусторонние отношения с Россией.

Важной частью дискуссии стал анализ российско-британских отношений, отмеченных цикличностью, шпионскими скандалами, санкционной политикой и влиянием постимперских и ирландских факторов, в том числе через призму Белфастского соглашения и Brexit. Участники подчеркнули, что Великобритания выступает идейным архитектором антироссийского консенсуса, активно поддерживая санкции, военное сотрудничество с Украиной и формируя негативный нарратив о «российской угрозе» в рамках ЕС и НАТО. В то же время эксперты отметили скрытую конкуренцию между США и Великобританией за лидерство в антироссийской повестке, а также подчеркнули необходимость прагматичного подхода и трезвого реализма в выстраивании отношений с Лондоном.

Обсуждалась также роль бывших британских колоний, таких как Индия, в современной мировой политике и их отношение к России как потенциальному экономическому и стратегическому партнеру. Эксперты отметили, что Россия должна активно использовать возможности для расширения сотрудничества с этими странами.

Особое внимание было уделено влиянию общественного мнения в США на формирование внешней политики, поддержке санкций и восприятию России как ключевого соперника. Было отмечено, что общественное мнение оказывает значительное влияние на решения Конгресса и администрации, а также на перспективы отмены или сохранения санкций.

В заключительной части дискуссии были рассмотрены перспективы развития НАТО, его внутренние противоречия и влияние на архитектуру европейской и глобальной безопасности, включая тему узурпаторства в Европе. Эксперты сошлись во мнении, что будущее альянса во многом зависит от трансформации внешнеполитических приоритетов США

и консенсуса среди стран-участников по вопросу России.

Изучение опыта стран спустя столетия позволяет глубже понять приоритеты и принципы российско-американских и российско-британских отношений, учесть успешные и неудачные дипломатические шаги, а также выявить факторы, определяющие уровень международных отношений между государствами с различными интересами. Проведение дискуссии способствовало углублению понимания многоуровневых аспектов российско-англосаксонских отношений, стимулировало обмен мнениями между экспертами и молодыми исследователями, а также подчеркнуло важность выработки новых форматов взаимодействия, основанных на национальных интересах, прагматизме и дипломатическом балансе. Проведение панельной дискуссии способствовало росту интереса начинающих исследователей к тенденциям внешней политики России, США, Великобритании и обмену позициями как между экспертами, так и студентами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

российско-англосаксонские отношения; внешняя политика; дипломатия; международная безопасность; США; Великобритания; Канада; Ирландия; НАТО; санкции; украинская диаспора; постимперские связи; шпионские скандалы; стратегическое партнерство; национальные интересы; антироссийский консенсус; общественное мнение; международные конфликты; многополярность; международные организации; глобальная политика; Англосаксы; англосаксонский мир; англосаксонский клуб; прямой диалог с американцами; ядерное разоружение; Дональд Трамп; Саймс; Марко Рубио; узурпаторство в Европе; Белфастское соглашение; Brexit.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы обзора выражают благодарность участникам панельной дискуссии:

Д. К. Саймсу, Н. Я. Неклюдову, И. А. Сафранчуку, К. А. Годованюк, М. Ф. Уткиной, а также всем организаторам и активистам Англосаксонского клуба НСО МГИМО за подготовку и проведение мероприятия.

Для связи с авторами: careva_m_a@my.mgimo.ru, Mokrousova_D_V@my.mgimo.ru, Ignatyeva_V_Y@my.mgimo.ru, Posylkina_E_A@my.mgimo.ru

«300 Years of Confrontation: How to Build Relations with the Anglo-Saxons»

Mariya A. Tsareva

MGIMO University,
School of international journalism, 4th year

Darya V. Mokrousova

MGIMO University
School of international relations, 1st year

Viktoriya Yu. Ignatyeva

MGIMO University
School of international journalism, 2nd year

Elizaveta A. Posylkina

MGIMO University,
International Law school, 1st year

ABSTRACT

The panel discussion «300 Years of Confrontation: How to Build Relations with the Anglo-Saxons», held by the Anglo-Saxon Club of the MGIMO Student Scientific Society on April 25, 2025, served as a crucial platform for a comprehensive analysis of the long-standing confrontation and contemporary challenges in Russian-Anglo-Saxon relations. The discussion encompassed issues of international security, diplomacy, sanctions, as well as strategic partnership and multipolarity in the context of the current international crisis, with a particular focus on Russia-US and Russia-UK ties.

During the discussion, experts examined the impact of the Russian factor on the domestic policies of the US and the UK, including sanctions pressure, espionage scandals, and the Ukrainian crisis, which significantly complicate dialogue and necessitate new diplomatic approaches. Current trends in international diplomacy, issues of nuclear disarmament, the role of NATO, and prospects for multipolarity in the modern world were analyzed. Particular attention was paid to the role of Canada, where

the Ukrainian diaspora exerts significant influence on domestic and foreign policy, complicating bilateral relations with Russia.

A key part of the discussion was the analysis of Russia-UK relations, characterized by cyclical patterns, espionage scandals, sanctions policy, and the influence of post-imperial and Irish factors, including through the lens of the Belfast Agreement and Brexit. Participants emphasized that the UK acts as the ideological architect of the anti-Russian consensus, actively supporting sanctions, military cooperation with Ukraine, and promoting a negative narrative about the “Russian threat” within the EU and NATO. At the same time, experts noted the hidden competition between the US and the UK for leadership in the anti-Russian agenda and stressed the need for a pragmatic and realistic approach to relations with London.

The role of former British colonies, such as India, in contemporary global politics and their attitude toward Russia as a potential economic and strategic partner was also discussed. Experts highlighted the importance of Russia actively expanding cooperation with these countries.

Special attention was given to the influence of public opinion in the US on foreign policy formation, support for sanctions, and the perception of Russia as a key rival. It was noted that public sentiment significantly impacts decisions made by Congress and the administration, as well as the prospects for lifting or maintaining sanctions.

In the concluding part of the discussion, experts examined the future of NATO, its internal contradictions, and its impact on the architecture of European and global security, including the topic of usurpation in Europe. Experts agreed that the alliance's future largely depends on the transformation of US foreign policy priorities and the consensus among member states regarding Russia.

Studying the experience of countries over centuries allows for a deeper understanding

of the priorities and principles of Russia-US and Russia-UK relations, acknowledging successful and unsuccessful diplomatic steps, and identifying factors that determine the level of international relations between states with differing interests. The discussion fostered a deeper understanding of the multi-layered aspects of Russian-Anglo-Saxon relations, encouraged the exchange of views among experts and young researchers, and underscored the importance of developing new formats of interaction based on national interests, pragmatism, and diplomatic balance. The panel discussion contributed to increasing the interest of aspiring researchers in the trends of Russian, US, and UK foreign policy and to the exchange of views between experts and students alike.

KEYWORDS

Russian-Anglo-Saxon relations; foreign policy; diplomacy; international security; United States; United Kingdom; Canada; Ireland; NATO; sanctions; Ukrainian diaspora; post-imperial ties; espionage scandals; strategic partnership; national interests; anti-Russian consensus; public opinion; international conflicts; multipolarity; international organizations; global politics; Anglo-Saxons; Anglo-Saxon world; Anglo-Saxon Club; direct dialogue with Americans; nuclear disarmament; Donald Trump; Simes; Marco Rubio; usurpation in Europe; Belfast Agreement; Brexit.

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors express their gratitude to the participants of the panel discussion:

D. K. Simes, N. Ya. Neklyudov, I. A. Safranchuk, K. A. Godovanyuk, M. F. Utkina, as well as all organizers and activists of the Anglo-Saxon Club of MGIMO SSS for preparing and conducting the event.

Contact the authors via careva_m_a@my.mgimo.ru, Mokrousova_D_V@my.mgimo.ru, Ignatyeva_V_Y@my.mgimo.ru, Posylkina_E_A@my.mgimo.ru

Панельная дискуссия «300 лет противостояния: как строить отношения с англосаксами» была организована активистами Англосаксонского клуба НСО МГИМО. В ходе мероприятия были затронуты вопросы международной и внутривластной обстановки в англоязычном мире, их связей с Россией, а также перспектив в нормализации и укреплении отношений между двумя упомянутыми регионами.

В качестве экспертов были приглашены **Д. К. Саймс**, российский и американский политолог и историк, профессор кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России; **Н. Я. Неклюдов**, канд. полит. наук, зам. декана Факультета международных отношений МГИМО МИД России по магистерским программам; **М. Ф. Уткина**, канд. полит. наук, зам. декана Факультета управления и политики МГИМО МИД России по магистерским программам, преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России; **К. А. Годованюк**, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Центра британских исследований ИЕ РАН, старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки, старший научный сотрудник ИМИ МГИМО, эксперт Российского совета по международным делам и Международного дискуссионного клуба «Валдай»; **И. А. Сафранчук**, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, эксперт международного дискуссионного клуба «Валдай». Модератором встречи выступила председатель Англосаксонского клуба НСО МГИМО **М. Царёва**, студентка 4 курса Факультета международной журналистики МГИМО МИД России.

Обсуждение начал **Д. К. Саймс**, ответив на вопросы: «Как Вы оцениваете изменения американской внешней политики с приходом Дональда Трампа, особенно в отношении России?», «Что должно измениться в российско-американских отношениях для стабилизации ситуации?», «Каковы перспективы для развития двусторонних отношений между Россией и США в свете текущих экономических и политических санкций?». Он привел свои наблюдения, полученные в ходе организации первого внешнеполитического выступления Д. Трампа в 2016 г. и общения с чиновниками США (в т. ч. представителями администрации Президента США).

Во-первых, во время первого президентского срока нынешний глава Белого Дома «шел абсолютно своим путем», будучи «неопытен во внешнеполитических вопросах». Он набирал людей, которые хотели работать по направлению, считавшемуся правильным ими самими, но не Трампом. Дмитрий Константинович отметил, что сейчас, в свой второй срок, президент США работает только с политиками, придерживающимися его позиции, в отличие от периода своего первого президентства.

Во-вторых, вопрос о том, кто станет преемником Трампа, остается открытым. Им может стать и вице-президент Дж. Вэнс, и государственный секретарь США М. Рубио. Преимущество первого заключается в старании заслужить расположение Трампа, поддерживая его риторику; преимущество второго — в большем опыте политической деятельности (в т. ч. работы в Сенате).

В-третьих, теперь у Трампа есть четкий подход к российско-американским отношениям, в т. ч. участию в конфликте с Украиной. Так, еще во время своей первой кампании он заявлял:

«Нам не нужны больше Вьетнамы, нам не нужны больше Ираки». По мнению эксперта, американский президент будет выходить из этого конфликта, постараясь при этом не потерять лицо, не выглядеть побежденным. Для этого, конечно же, придется договориться с Россией, не разорвав отношения с коллективным Западом.

В-четвертых, Россию Трамп воспринимает как «великую ядерную державу». С точки зрения Дмитрия Константиновича, этот факт не гарантирует успех переговоров с США.

Вопросы «Каковы основные вызовы и возможности для улучшения отношений между Канадой и Россией?» и «В чем заключаются основные разногласия России и Канады, если таковые имеются?» были заданы **И. А. Сафранчуку**. Он отметил, что, с одной стороны, в советское время Канада воспринималась как «США-lite» – Америка, с которой легче договариваться. С другой, в 2000-е гг. именно эта страна, а не США, была одним из государств с наиболее жестким визовым режимом для жителей постсоветского пространства, причем такие позиции она занимала всегда, и в этот период, а также в 2010-е гг., отношения России с Канадой были гораздо более напряженными, чем с США. Также И. А. Сафранчук выразил мнение о том, что улучшение взаимоотношений «сопровождает отставание национальных интересов, а не является самоцелью» (с поправкой на российско-американские связи, где именно налаживание контакта и является основным стремлением).

Свой комментарий к этому вопросу дала **М. Ф. Уткина**, отметив, что большую роль в российско-канадских отношениях играет украинская диаспора в Канаде – «закрытый клуб», не взаимодействующий с выходцами с постсоветского пространства и

имеющий значительное влияние на внутреннюю политику страны. Этот фактор также может осложнять отношения России и Канады.

К. А. Годованюк был задан вопрос о тандеме Лондона и Вашингтона: «Какие тенденции их общего внешнеполитического курса в отношении России можно выделить?», а также о восстановлении отношений между Москвой и Лондоном. Эксперт отметила, что на вопрос о средствах для нормализации российско-британских отношений ответить очень сложно: сами эти связи зависят как от факторов США и общего климата отношений России и Коллективного Запада, так и от внутриполитического состояния. Начиная с 1990-х гг. можно наблюдать цикличность этих отношений и их зависимость от указанных факторов.

Шпионские скандалы в отношениях России и Великобритании позволили свести диалог на очень низкий уровень посредством «раздувания» трагедии и введения множества ограничительных мер (это можно увидеть на примере «дела Скрипалей» 2018 г.). Все эти санкции в отношении России активно применялись еще до 2022 г., так что «разглядеть предпосылки для улучшения российско-британских отношений» очень сложно – политический истеблишмент настроен к России по принципу «либо плохо, либо ничего», а лицо, выражающее хотя бы нейтралитет, не говоря уже о положительной оценке действий РФ, становится «совершенно нерукопожатным политическим изгоем или маргиналом».

На взгляд эксперта, один из интереснейших вопросов посвящен диалогу между Лондоном и Вашингтоном, поскольку сейчас разработкой британской внешнеполитической стратегии занимается Ф. Хилл, бывший Директор департамента по ЕС и РФ Совета национальной безопасности США.

Правящая Лейбористская партия активно и открыто поддерживала Дж. Байдена, но, несмотря на это, поездка главы премьер-министра К. Стармера в США — это «определенный дипломатический успех», поднявший его внутривластный рейтинг. Д. Трамп подтвердил, что отношения между Лондоном и Вашингтоном строятся на особой связи ценностей, культур, языка и общих интересов в целом. Но то, насколько устойчив будет этот диалог, будет зависеть от общего фона, в т.ч. в целом по Европе.

Возникают вопросы, насколько Великобритания сможет продемонстрировать свою независимую и самостоятельную внешнюю политику, которой она добилась, выйдя из ЕС, поскольку сейчас и США, и Европа выдвигают ряд ограничений для Лондона по торговой и военно-оборонной части. Поскольку Трамп активно агитировал за Brexit, динамика отношений Лондона и Вашингтона сейчас, в период президентства Трампа и нахождения у власти Лейбористской партии, имеет тенденции к осложнению.

Также была затронута тема ирландско-российских отношений. Отвечая на вопрос *«Как политическая культура Ирландии и историческая память формирует отношение к англосаксонскому блоку и России?»*, К. А. Годованюк отметила наличие в США сильного ирландского лобби.

По мнению эксперта, эта страна играет важную роль в политике предыдущего президента США. Дж. Байден, говоря об улучшении отношений Великобритании с ЕС и урегулировании североирландского протокола, упоминал о своем ирландском происхождении. В годовщину заключения Соглашения Страстной Пятницы он сначала посетил Дублин, потом — Ольстер, однако в Лондон даже

не приехал. Можно сказать, что через Ирландию США пытается надавить на Великобританию.

При этом Великобритания являлась гарантом выполнения условий Белфастского соглашения 1998 г., регулирующего британско-ирландский конфликт, и этот договор был главным камнем преткновения во время переговоров по Brexit.

Комментируя российско-ирландские отношения и их возможное дальнейшее развитие, эксперт выразила мнение, что о давлении Дублина на общую «российскую» линию коллективного Запада говорить сложно, поскольку политика отдельных государств обусловлена в первую очередь политикой Брюсселя. Предпосылок для проявления Ирландией несогласия пока что нет.

И. А. Сафранчук также добавил, что весь XIX в. Россия соперничала с Великобританией — это привело к распространению в начале XX в. точки зрения, что Русско-японская война имела элемент британских интересов той части истеблишмента, что была завязана на индийской кампании. Есть очень много примеров того, что зачастую британские дипломаты более жесткие и циничные, чем американские.

При этом, несмотря на данный постулат, Россия и Великобритания никогда не оказывались по разные стороны баррикад в «исторически-мировых» войнах. Это может быть связано с британской стратегической мыслью о том, что на материке не должно существовать гегемонистической державы, которая будет угрожать суверенности самой Великобритании — поэтому она и выступала против европейских узурпаторов. С другой стороны, похожей мысли и стратегии с давних пор придерживается и Россия,

к тому же английская стратегическая мысль обычно не была идеологизирована.

По словам Ивана Алексеевича, британцы сами про себя говорят: «Мы игроки». Они будут играть в заданных обстоятельствах, выдвигать принципы, но при необходимости ломать их и начинать гибко договариваться. С ними сложно, но британцы не безнадёжны: во-первых, они могут проявлять гибкость, во-вторых, склонны к игре на противоречии.

При этом британское влияние на политику США вызывает негативный эффект — первое пытается «подкрутить» последнее на более жесткие условия.

Второй блок начался с вопроса *«Правда ли, что многие войны, в которые была втянута в том числе Россия, развязала Великобритания?»*, заданного **М. Ф. Уткиной**. Отвечая на него, Мария Феликсовна развила мысль Ивана Алексеевича об американо-британских отношениях. По ее словам, у США и Великобритании присутствует элемент скрытой конкуренции за перехват антироссийской повестки. С приходом Трампа к власти он перехватил повестку у британцев и теперь пытается трансформировать ее в условную нормализацию отношений. России необходимо активно пользоваться этим шансом и отстранять Великобританию от решений по многим вопросам, в том числе и по украинскому.

При этом шанс на восстановление отношений Британии и России также присутствует. Противостояние между ними имеет онтологически-цивилизационный характер. Во всех крупномасштабных войнах Великобритания и Россия выступали по одну сторону, но все менялось после их окончания, из-за чего Британию нельзя рассматривать как потенциального стратегиче-

ского союзника. Она выступала против Российской Империи в ходе Крымской войны, сдерживала продвижение России в Средней Азии, вмешивалась в Гражданскую войну после революции и продолжила наступление даже после развала СССР. Не США, а именно Великобритания «является идейным архитектором антироссийского консенсуса». Ее политика сейчас «держится на трех столпах» — поддержке Киева, лоббировании антироссийских санкций в рамках ЕС и НАТО и продвижении нарратива об угрозе с Востока.

Далее Мария Феликсовна выделила три возможных сценария нормализации отношений с Великобританией. Первый, тяжело осуществимый, — некий геополитический сдвиг, движение международной системы по направлению к многополярности. В этом случае британцы «могут иметь прагматические интересы, могут быть более гибкими», однако сейчас они не хотят возвращаться к российским энергоресурсам, несмотря на экономический и политический кризисы. Второй сценарий — потепление отношений в случае внутривосточной трансформации. Если к власти в Великобритании «придут новые немейнстримные силы», то что-то может поменяться. Например, сейчас растет популярность партии Reform UK, консерваторы, скорее всего, и дальше будут терять свои позиции. Наконец, последний вариант — изменение нарратива в отношении России. Если «консенсус по изоляции России» начнет разрушаться, то под давлением союзников или прагматических интересов Лондон может отказаться от такой повестки.

Сегодня мы должны выстраивать отношения с Британией через призму прагматизма, преследовать свои национальные интересы. — это не просто островное

государство, это «неоимперия», «империя нового типа», «сетевая империя». Выстраивание диалога с ней возможно, но с позиции национальных интересов через трезвый реализм.

Давая ответ на следующий вопрос: «В истории известны случаи, когда страны, вышедшие из-под влияния Великобритании, например, Индия, поддерживали ее противников. Как эти страны реагируют сейчас, как они бросают вызов Британии и какие есть перспективы нормализации и дальнейшего сотрудничества?» — **М. Ф. Уткина** отметила, что такая ситуация не новая для британцев, они «умеют с этим работать». Например, до Унии Шотландии и Великобритании «вся политическая элита Шотландии была очень франкофильной». Что касается Индии, по мнению М. Уткиной, ее можно назвать разве что партнером, но не союзником, так как она не будет портить отношения с Британией. Тем не менее, для бывших британских колоний Россия должна быть «притягательным полюсом, возможным экономическим партнером», должна «перехватывать инициативу в свои руки» и развивать с ними отношения.

Д. К. Саймс добавил, что Россия и Великобритания стали союзниками во время войн с Наполеоном после того, как англичане организовали убийство императора Павла I, известного своей профранцузской позицией. В Первую мировую войну Британия также вошла «не из-за России, а потому, что у нее был союз с Францией». Более того, английский посол Бьюкенен «играл большую роль в организации заговора против императора Николая II». Из этого следует, что идея про союзничество Великобритании и России на протяжении истории не совсем точная.

М. Ф. Уткина также отметила, что большую роль в том числе играет то, что у России «не складываются дове-

рительные отношения с британцами». В пример был приведен скандал с Кембриджской пятеркой и «шпионские скандалы» в целом.

Следующий вопрос «Как изменяется общественное мнение в США по отношению к России и какие факторы на это влияют?» был адресован **Н. Я. Неклюдову**. Эксперт заметил, что отношение к рядовым гражданам Российской Федерации, оказавшимся за рубежом, почти не поменялось. Он поделился, что когда он сам жил и учился на Западе, то сталкивался «с неким скепсисом», но не на систематическом уровне. Понятие русофобии применимо больше к «общему образу России как страны», у которой есть «тайная внешняя политика».

Что касается экспертного уровня, то, побеседовав с представителями американского экспертного пула общественности на одной из недавних встреч, Никита Яковлевич пришел к выводу, что контакты на таком уровне сохраняются и будут только увеличиваться с разрешением кризиса на Украине.

Изучая общественное мнение через ключевые организации, проводящие опросы на эту тему (Gallup, Pew и др.), становится ясно, что негативное отношение к России как было, так и осталось. Меняется восприятие Украины в связи с «усталостью от конфликта», однако это не связано напрямую с Россией, которая до сих пор является «угрозой номер один» для демократов. Что касается республиканцев, их отношение смягчается под воздействием Трампа, но незначительно.

Это общественное мнение влияет на внешнюю политику США, потому что «внешняя политика США – это многосоставной механизм», который связан не только с фигурой президента, но и с Конгрессом, представители в котором говорят от лица граждан.

Они не могут не смотреть на мнение общественности, так как это обеспечивает им переизбрание. Если действия Трампа окажутся безрезультатными или приведут к негативным последствиям, общественное мнение будет играть еще более значимую роль, оно повлияет на Сенат и на Палату представителей. Также Н. Я. Неклюдов отметил, что с общественным мнением тесно связаны санкции. Например, за 2025 г. по ГЭЛЭПу подавляющее большинство американцев считает, что санкции в отношении России нужно сохранить, в связи с чем их не отменят, если допустить, что «Конгресс слышит своих избирателей». Обещания Трампа в этом вопросе играют малую роль.

Таким образом, общественное мнение значительно «влияет на политический процесс в Штатах», но мало сказывается на простых гражданах.

Эксперту был задан вопрос о дипломатии третьих стран: *«Насколько возможны обходные пути в диалоге с Западом?»*

Давая ответ на данный вопрос, Никита Яковлевич отметил, что не видит необходимости в таком варианте контакта. Более эффективен прямой диалог, прямая связь, и это понимание появилось сразу после Карибского кризиса. Посредничество важно, но не по вопросам, касающимся российско-американских отношений напрямую. Более того, российская дипломатия «фундаментальна в своих навыках и практиках».

М. Ф. Уткина также добавила, что третьи стороны – Индия, косвенно Китай и др. – являются «бенефициарами» в конфликтах, что подтверждает необходимость прямого диалога.

«Какие красные линии не стоит пресекать в переговорах между Россией, США, Великобританией?» — отвечая на этот вопрос, **И. А. Сафранчук** отме-

тил, что мы очень далеки от «красных линий» в переговорах, потому что от России вряд ли могут «попросить что-то совсем невероятное». Например, присутствует дискуссия касательно того, где проходит граница России на западе, однако она тоже может быть предметом переговоров. Одним из достижений специальной военной операции должен быть отказ от необходимости «одобрения» действий России со стороны Соединенных Штатов. В настоящее время различные экономические и политические вопросы могут решаться без американцев – не против них, а именно без них. Расширяется мировое пространство без Америки, и это является положительным явлением. Более того, дипломатическое признание — это уже признание границ, хотя в мире растет количество случаев, когда у признанных суверенными субъектов не признаются их границы в том виде, в котором они сами их обозначают. Ярким примером такого субъекта является Израиль.

Главная задача — развести вопрос чисто политического признания и признания границ и вопрос о санкциях. Это тоже не является чем-то новым. Например, американцы утверждают, что никогда не признавали три прибалтийские республики в составе Советского союза, но относились к ним как к его части.

Что касается «красных черт» в переговорах — это слишком сильное слово, и мы действительно от них очень далеки.

Последний вопрос *«Каким Вы видите будущее НАТО и его взаимоотношений с Россией? Какие основные вызовы и угрозы для глобальной безопасности существуют на данный момент?»* был адресован **Н. Я. Неклюдову**. Отвечая на него, эксперт начал с того, что в настоящий момент НАТО переживает

кризис, связанный с фигурой Дональда Трампа. Для американцев первостепенная угроза находится в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а представить помощь НАТО в борьбе Штатов с ростом Китая затруднительно как в логистическом, так в идейном отношении. Н. Неклюдов предполагает, что четыре года президентства Трампа приведут к тому, что у организации возникнет необходимость найти для себя «самостоятельную роль» в Европе и определить свою «зону ответственности», в том числе перечень существующих угроз. В этом НАТО неизбежно столкнется с тем, что не все страны-участники разделяют консенсус, что Россия — ключевой противник организации. Например, вряд ли с этим согласится Турция или Венгрия.

Американцы, разумеется, не выйдут из НАТО, но из-за пересмотра отношений организации предстоит большая работа по формулированию внешней угрозы, по определению того, кто является ее врагом. Допускается, что возникнет некоторый раскол, и в первую очередь НАТО будет необходимо разобраться с ним, а уже потом с

отношениями с Россией, с которыми, на самом деле, все достаточно просто.

Надежды на присоединение России к НАТО сменились стратегической конкуренцией, которая сегодня является достаточно острой в связи с расширением НАТО и появлением американского контингента в Финляндии. При этом представить себе войну России и НАТО сложно, хотя присутствует опасность «лестницы эскалации», о чем также стоит задуматься.

Тем не менее, подводя итог, Никита Яковлевич сделал вывод о том, что в настоящее время НАТО больше взволновано Трампом и своим будущим как организации, нежели Россией.

По окончании встречи **М. Царева**, модератор дискуссии, выразила надежду на стабилизацию отношений России с англосаксонским миром: «Нам нужно не улучшение отношений, а абсолютно новый вектор и создание абсолютно новых отношений».

Сетевое издание «Международный аспект International Aspect» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 80193 от 22 января 2021 г.

Журнал (периодическое печатное издание) «Международный аспект International Aspect» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ПИ № ФС 77 - 85925 от 06 октября 2023 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка Д.А. Хворова

Подписано в печать ДАТА. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 9,4. Тираж 25 экз. Заказ №

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

The certificate of registry of mass media, registration date ЭЛ № ФС 77 - 80193,
22.01.2021 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

The certificate of registry of print media, registration date ПИ № ФС 77 - 85925,
06.10.2023 issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

Layout: Daria Khvorova

Published by MGIMO University. Number of printed copies: 25.

ISSN 2949-6381 (Print)
ISSN 2949-6365 (Online)